Александр Волков

Фейк

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Предприниматель Отарэ Шичика весьма неплохо обустроился в жизни. Он создал один из самых прибыльных игровых проектов под названием Хостаун, благодаря которому вошёл в список богатейших людей планеты. Хостаун собрал сотни миллионов игроков и миллиарды подписчиков, не оставив равнодушным почти никого. Но успех был скоротечен, и когда игру заразили вирусом колоссальной мощности, люди стали умирать. Жизнь Отарэ сильно изменилась. Он лишился состояния и оказался вне закона. Ему предстояло выяснить, кто и зачем погубил его проект. Нарвавшись на след загадочного Повелителя женщин, Отарэ стал узнавать правду, которая перевернула его внутренний мир вверх дном. Содержит нецензурную брань.

- Александр Волков
  - ○

Александр Волков
ФЕЙК

Меня окружала шумная пустыня, и на всю катушку играл металл. Я парил на круглой платформе посреди бушующей песчаной бури. Я любил пустыни, и любил бури. Было в них что-то такое от взрывного характера и независимости. Ну, и ещё белые символы на инфоголограммах было легко различать. Отлично выделялись буквы на фоне вьющегося красного песка. Ифокон меня окружало не мало. Они плавно двигались в разные стороны, будто пытались медленно убежать от меня. Я стянул их ближе друг к другу. Это были показатели Хостауна за последний год: восемь миллиардов постоянных зрителей в общей сложности, и положительный прирост около десяти миллионов. «Слабовато конечно, но неплохо. В прошлом году было лучше». Игроков набежало немногим больше двухсот миллионов. Вот ту мне стало немного не по себе. «А выдержат ли сервера? А выдержат. С чего им ломаться? Я прибыли не на проституток спускаю». Закон предпринимательства номер один — все доходы обратно в дело (в худшем случае половину на себя, половину в дело.) Если начинал сорить баблом, то всё, баста. Кончался бизнес. Многие на этом этапе шли к мамке деньги просить, а у меня мамки не было, и папки богатого тоже. Потому приходилось быть умным. Индексы, индексы, индексы, ти-динь! «Твою мать! Кому неймётся?! — Возмутился я, и тут же задавил себя контраргументом. — А надо на беззвучный ставить, что бы не выдергивали!».

Я проклинал и ненавидел социальные сети, ну, на тот момент точно. Спустя секунду после сигнала передо мной вспыхнуло оповестительное окно Фейспалма. Название дебильное, конечно, но социалку я создал что надо. Прибыльная была и интересная. Название выбирал по пьяни и на спор. Идиот. Я вызвал панель громкости и плавным движением пальца убавил звук. Пришло голосовое сообщение, а вместе с ним пару сотен тысяч запросов в друзья. Включив запись, я вслушался. Сквозь раскаты музыки прорезался голос, как у маньяка из фильма Пила:

— Добавь, или я буду творить чудеса с твоей мамкой! Лол! — Я взглянул на имя отправителя: Повелитель Женщин. «Загубленный гений, — подумал я.» — Хочешь, заберу у тебя всё, что ты имеешь?

Внутри словно стал закипать чайник, и я потянул палец к кнопочке «Позвонить». В последний момент я сдержался, и

успокоился. Говорят, со временем появляется иммунитет к даунам. Но у меня он почему-то появляться не спешил, точнее он был, но слабенький. Очень уж я был чувствительный.

— Ума палата, — ответив голосу, я промотал ползунок ниже, и сообщение исчезло. — Очередной угрожатель.

Раньше я бы стал материться, нахмурил бы брови, заказал бы найти отправителя и убить его. До убийств, конечно, не доходило. Я был натурой вспыльчивой, но рассудительной. Подобных сообщений я получал по несколько тысяч в день. Там было всё, от набью морду до засуну в задницу линейный крейсер. На лице появилась усмешка. Взглядом я пробежался по запросам. Никого из тех, кого я планировал увидеть. Всякие «Мисс Еноты», «Лалные Тралли», «Федоры Говнюковы». «Патриарх Киролл» — вот на нём я взгляд приостановил. Давно не видел священнослужителей. Даже их фотографий. Ну, чёрт с ним, подумал я, и стал листать дальше. Ничего существенного найти не удалось. Закрыв Фейспалм, я перевёл его в беззвучный режим. Не хотелось, что бы больше отвлекал.

Вдруг я услышал вой корабельной сирены. Откуда он у меня? В какое приложение я его поставил? Забегав взглядом по сторонам, я не мог найти источника звука. Он бил по ушам как отбойный молот по черепу. «Чёртовы графики! Понаставил!» Я стал в спешке закрывать инфоокна, и прищурился, надеясь разглядеть невидимый источник сигнала. Зрение было в порядке, но я свято верил, что прищуривание поможет мне найти сокровище. Наивный.

В итоге оказалось, что выло окно с графиком постоянных, зарегистрированных зрителей. Я запрограммировал его издавать корабельный вой, если происходит резкое колебание в цифрах. Шесть миллиардов. «Норма… СКОЛЬКО?!» Я вцепился ладонями в голову, и пальцы погрузились в волосы, сжимаясь так сильно, что, наверное, побелели. «Что за лаги?! Ювотч лагает, Жвачник лагает, Хостаун не лагает! Я не лагаю, у меня ничего не может лагать! Куда делось два миллиарда постоянников?!» Я стал неумолимо тыкать пальцем в две стрелочки, бегающие друг за другом. Перезагрузить! Перезагрузить! Перезагрузитьперезагрузитьперезагрузить! Какого хрена?! Значит, не сбой.

Всплыло окно КоллКоллера. Звонил Стас, управляющий проекта. Закон предпринимательства номер два — делегируй, и ищи людей, которым можешь доверять. Иначе, будешь рабом собственного бизнеса.

— Стас! — Начал я с крика, не здороваясь. — Ты что там показываешь?! К-к-уда два миллиарда человек сдуло?! Вы там

охренели?!

— Это я у тебя хотел спросить!

— В смысле у меня?!

— С картой жопу какую-то устроил, ещё и спрятал! Да ты знаешь сколько я времени вложил, что бы их набить?! С ума сошёл что ли?!

— Ровно столько, за сколько я тебе заплатил!

Стас, мне говорил, владельцу, что я сошёл с ума. «Мой подчиненный». Вот теперь я точно ничего не понимал. То ли со мной решили сыграть злую шутку, то ли я не нервной почве поехал крышей. «Хотя на чём тут поедешь? И какие нервы? Раз в неделю в графики смотрю, и если надо, указашки раздаю. А так дурака валяю… ГДЕ ДВА МИЛЛИАРДА ПОДПИСЧИКОВ?!».

Сквозь бурю стал пробиваться свет ярчайшей вспышки, и будь она настоящей, я бы, наверное, тот час потерял зрение. Чудовищной силы ударная волна разогнала клубящуюся пыль, и песок рассеялся, открыв взору гриб ядерного взрыва. Но меня ничего не касалось. Увидев его, я ничуть не испугался. Моя платформа была в непробиваемой, прозрачной сфере. Я был эдакий божок среди пустыни на островке Оазисе, способный контролировать в этом кубике, — который я сам же для себя сделал, — абсолютно всё. Ядерный взрыв означал, что сейчас онлайн зашкаливал, и в Хостауне больше всего игроков. Я любил присоединяться к игре в такое время. Оно было самым сложным, и играть было интереснее всего. «Смысл что-то делать, если испытания нет? Ох-хо, а сейчас у меня-то какое испытание! Подписчики, конечно, не основной источник дохода, но они едва ли менее важные, чем игроки. Подписка на матчи платная, и платить благо было за что, очень всё зрелищно. По десять кубов в месяц с подписчика». Я умножил два миллиарда на десять, и появившаяся в уме заоблачная цифра заставила меня зажмуриться. Вашу же мать. Двойка и десять нуликов! ДЕСЯТЬ! (Двадцать миллиардов) Это сто тридцать четыре астрономических единицы, и это в сто с лишним раз больше, чем дистанция от Земли до Солнца! Астрономическая сумма! Во!

Небольшая часть сферы рядом рассеялась, и сразу за ней я увидел кусочек интерьера спальни — белую кровать. Выйдя, я выбрал одежду попроще (никогда не любил строить из себя а-ля делового дядю, и носить что-то выпендрёжное.), и теперь был готов к походу в лобби. Да, в пустыне я был в трусах. Взглянув на себя в зеркало, я увидел за спиной большую синюю надпись «Отарэ». Это было и моё имя, и название компании. Снова открылся проход, на этот раз, уводящий меня из куба спальни в лес с цветущей сакурой (любил резкую смену обстановки).

Пустыня тоже была в кубе, но там была платформа со сферой. На песке стоять лень. У каждого куб был свой, по вкусу и возможностям. У меня было всего три куба. Пустыня для работы, спальня для сна, и лес для медитации. Хотя позволить я себе мог десять тысяч кубов. Новых. Раз в месяц.

Из куба с сакурами я вышел, смахнув с плеча розовый лепесток, и оказался на парковке. Среди роскошных болидов острых спортивных форм стоял мой скромный велосипед. Сегодня я на нём ехать не мог, потому, подошёл к телепорту. Времени не было. Ненавидел телепорты. Они выкачивали не только платежные кубы, но и данные. Данные — это что-то типа уровня здоровья. Чем более активным был человек, тем больше у него было данных, и тем более классно он мог жить и выглядеть. Потому я обожал спортзал и велосипед. Бегал тоже много.

— Отарэ! Здравствуйте!

Ух ты ж ёп твою мать! Я вздрогнул, и оглянулся. К своему автомобилю шагал мой сосед Уйль, который с улыбкой смотрел на меня. Он был как всегда при параде, в роскошном костюме и крокодиловых туфлях. Интересно, очередной кредит взял? Нет-нет, я ничуть не высмеивал его, а лишь думал, как тяжело живётся человеку, доход которого раз в тысячу меньше моего, но при этом живёт он роскошнее, в долг преимущественно. И главный вопрос был в том, кормил ли он кого-нибудь, кроме банков? Он вроде зарылся в долги так глубоко, что ему и на еду открыли кредитную линию. Он зарабатывал триста тысяч кубов в месяц, а тратил миллион. Как он выживал? Маразм, и финансовое рабство.

— Привет Уйль! — Ответил я, помахал, и улыбнулся. Никому не стоит знать, что у меня проблемы. Особенно Уйлю, работающему в конкурирующей компании. — Дела отлично, можешь не спрашивать. Извини, я спешу!

Уйль на секунду потупил взгляд, расстроился, но затем расцвёл в улыбке.

— Хорошо. Был рад повидаться!

Нырнув в свой черный болид, стоящий рядом с моим велосипедом, Уйль уехал. «Спиди Рейсер, — я улыбнулся, — эту наверное, тоже в кредит взял».

Телепорт перенёс меня в лобби. Я появился недалеко от входов в арсеналы, среди толпы игроков, похоже, только что ушедших в оффлайн. В окружении ангаров со снарягой стоял громадный компьютер, показывающий карту Хостауна в виде голограммы. Послышались недовольные возгласы, и особенно, наверное, бесновали те, кто вложил в игру деньги. И их можно было понять. Платишь, а тут даже поиграть не пускают… и я бы

взбесился. «Не порядок, надо это прекращать». Сквозь толпу людей перед входом в Хостаун просочился Стас. «Х-ах! Как чуял, что я примчусь. Ну, вообще да, нормальный владелец в такой ситуации бы тоже примчался, и Стас это понял походу».

— Рассказывай. — Спросил я его, пожав руку. — Какую жопу я там устроил? И почему людей в город не пускают?

— Да вот, я покажу лучше.

Стас открыл Фейспалм, и там, в чат компании кто-то написал с моей страницы. «Сегодняшним днём приказываю ввести код, указанный в приложенном мною файле, и сейчас-же внедрить его в скрипт Хостауна». В документе был непонятный мне код, и официальный приказ с моей электронной подписью. «Не дурно» — Я обалдело уставился на всплывшее окно, и ткнул на свою фотографию. Точь в точь как моя страница! Даже с красной галочкой! Он как-то попал в группу Отарэ, да ещё и назначил себя администратором. С красной галочкой! Ни у кого даже вопросов не возникло. Так… функции, действия, удалить. Не сработало. Он ещё и меня с прав управляющего снял. Блеск.

— Это не моя страница. Разберитесь. Вот он я, воочию стою перед тобой, и отдаю распоряжение группу ликвидировать обходными путями. В базовом режиме он всё контролирует. Это не я был, Стас. Что там за жопа с картой? Почему народ не в игре?

Взгляд Стаса бегал от страницы в Фейспалме к моему лицу. Его можно было понять. Кому верить? Чуваку из интернета, который как-то смог выбить себе красную галку, либо мне, который стоит перед ним. Видимо, Стас думал, что над ним тоже шутят. Кроме меня и Стаса галку никто поставить не мог. Я не ставил, значит, оставался только Стас, но ему я верил.

— Мы пробуем устранить причину того, почему люди массово отписываются. Почитай отзывы. Хостаун теперь называют наркопритоном. В этом коде… в общем, в бес толку всё. Нужно идти в Хостаун тогда, когда активна игра. Иначе схрон не найти. А пока его не уберёшь, молва не закончится. Мы туда отправим людей, как только ты дашь добро на запуск.

«Наркопритон? — Удивился я. — Это ещё почему наркопритон?». М-да… не простая сложилась ситуация. Хостаун для массового вскрытия скриптов отключать было нельзя. Не в этот день точно. Нужно было поступить хитро, не теряя онлайн при этом. Всё же, откуда фейк получил красную галку? Айти отдел подкачал, значит. Отлично. Стас показал желтую точку на карте. Схрон кто-то кинул там, и убрать его было нереально. Притом, что это было, и почему люди называли это наркотиком — было неясно. Зашел в поисковики, и глянул. Ну, само собой,

слухи и фотки уже просочились в сеть. У игроков подходивших к схрону ехала крыша. Конец света. «Цифровой наркотик, — появилась у меня мысль.»

Пришло сообщение от Повелителя Женщин и я прочёл его. Там было написано: «Собирайся и иди в игру. Забери то, что спрятано в схроне, или я лишу тебя ещё двух миллиардов. Фейк и красную галку сделал я». Я нахмурил брови. Определить, что страница с красной галкой фейк, могли только я и Стас, который сейчас был рядом. Выходит, Повелитель Женщин реальная угроза, а не обычный тролль. Я попробовал нажать на кнопку вызова, но он блокировался ещё до совершения. Копперфильд, мать его.

— Ясно. Весь айти отдел сократить, и набрать новый штат. Среди айтишников завелась крыса. Запускай Хостаун, но при этом намертво закрой подходы к схрону с помощью внутриигровых инструментов. И каждому игроку после подключения выдавай предупреждение с квадратом, в который ходить нельзя. Понял? Я с отрядом зачистки иду к схрону в игровом режиме. Скину тебе кое-какой айди. Задача: найти и арестовать.

Стас кивнул, и я прошёл в арсенал для подготовки к входу в игру. Игроков тут не было, и отряда, с которым я был должен идти тоже. Видимо, они уже были готовы подключиться, и ждали меня. Открыв окно выбора снаряжения, я быстро вошёл в систему, как Отарэ, и получил полный доступ к любому виду оборудования. Раз уж идти надо в игровом режиме, то стоило проанализировать квадрат. В соседнем окне я открыл карту. Схрон находился в квадрате, где стоит брошенный производственный комплекс. Закрытое помещение, значит. Открыв вкладку с типами оружия, я выбрал пистолеты пулемёты, и ткнул наугад. Попал в Вектор СМГ. «Идеальный ствол для таких локаций, — Думал я, разглядывая фотографию. — Поход будет несложным». В рюкзак первым делом пошли самые необходимые предметы, которые нужно брать в любом случае отдаления от цивилизации: спички, компас, и нож. Затем я запасся парой аптечек и провизией. Помня идиотов, которые ходили в Хостаун в зелёном камуфляже, одеждой я выбрал серый камуфляж, что для городских условий было тем, что нужно. Зеленый на фоне серых стен был как черное пятно на белых красках. На камуфляж повесил лёгкий бронежилет разгрузки, который заполнил парой гранат и запасными обоймами к Вектору. Вот, теперь можно было идти. Ах да! Чуть не забыл очки и рацию. Включив в список предметов очки и рацию, я перепроверил выбранную снарягу, убедившись, что к походу готов. Сегодня в Хостауне обещали солнечный матч.

Вход в игру был большими железными воротами,

примыкавшими к длинному бетонному забору, что огораживал Хостаун. Я присоединился к игрокам, которые столпились перед проходом, и вскоре нашёл свой отряд. С людьми из него я знакомиться не стал, да и они были не особо разговорчивы. На всех жуткие маски в виде черепов, а под ними, я был уверен, скрывались суровые лица. Над воротами была цифровая панель, по которой бегала надпись: «Матч начинается через три минуты».

— Внимание! Всем приготовиться к игре! — Раздался утробный демонический голос, который породил в толпе довольный гул из одобрительных возгласов. — Ворота в Хостаун открываются!

Со скрипом, стряхивая с себя пыль, ворота стали разъезжаться. Толпа сгустилась у них в предвкушении, и я почувствовал, как становлюсь частью её, заряжаясь неведомой силой, заставляющей людей раз за разом приходить в Хостаун. Этот драйв! Эти ощущения, которые я каждый раз испытывал, оказываясь в заброшенной, враждебной к человеку среде, были неповторимы, и каждый раз из-за них тело покрывалось мурашками. Хостаун был игрой в жанре сарвайвл хоррор, картой которого стал гигантский заброшенный город, с кишащими в нём мутантами и живыми мертвецами. Постапокалипсис, в котором не было условных команд, и в котором игроки варились по своему усмотрению. Ворота открылись, показав разделявшее сервер и лобби желтое информационное поле. Шагая в него, игроки исчезали, переходя в режим онлайн. Понеслась жара!

Игроки один за другим ныряли в поле, и растворялись в нём, другие нетерпеливо пихали меня сзади. Вот это желание! Мне даже не нужно было идти. Толпа подхватила меня, как поток бушующей реки, и понесла к цели. Игроки, одетые в уютную гражданскую одежду, на той стороне обратились храбрыми солдатами и сталкерами, которые каждую атомную секунду своего времени сражались за выживание. Проходя сквозь поле, я потерял сознание.

Когда я открыл глаза, то увидел солнечный диск. Очки не давали лучам обжигать взгляд, но всё же, неприятно было. Меня окружили квадратные бетонные столбы, из которых торчали арматуры. Надо мной висело открытое ясное небо, и казалось, что столбы пытаются к нему прикоснуться. Я очнулся лёжа на спине, загруженный всем выбранным оборудованием, и покрытый строительной пылью. «Воздух! — Думал я, но при этом, не осмеливался вдохнуть. — Где я?». Сейчас главным было не кашлять, не пукать, и не шевелиться. Спавн Хостауна работал так, что ты можешь очнуться среди поля с одуванчиками, и потом спокойно пойдешь делать свои дела, а можешь очнуться в логове

каких-нибудь гребанных мутантов, с которыми разговор будет коротким. Потому сначала стоило прислушаться. Я услышал какие-то хлюпающе-чмокающие звуки, и мертвецкие рычания. Медленно повернув голову, я увидел, как восемь-десять покойников, сидя на коленях, неспешно доедали дядю с маской в виде черепа, загребущими руками ковыряясь у него в микрофлоре кишечника. Дядя тонул в луже собственной крови. Чудненько. Один из моих. Тихо приподнявшись, я стал медленно перетягивать вектор из-за спины, стараясь случайно не зацепить разгрузку. Тук! Замерев, мертвецы коротко взвыли, хором. Из нагрудного кармана вывалилась рация. «Замечательно!» — Подумал я, и вскочив, схватив её. Сердце заколотилось усерднее, и адреналин, впрыснутый в кровь, наполнил ноги силой. Я находился между двумя недостроенными небоскребами, и тут же рванул к самому ближнему, сам поражаясь своей скорости. При бегстве я не оглядывался, но отчётливо слышал за спиной завывания и шарканья корявых ног, которыми усердно двигали мертвецы. Взбежав на первую попавшуюся лестницу, я оглянулся. Они шли всей оравой, подвывая и смотря на меня потерявшими цвет глазами, ведомые единственным желанием, которое могло у них быть — выпустить мне кишки. В животе будто похолодело, и я приготовился давать противникам бой. Теперь их было больше, чем десять. Из каких-то щелей, похоже, вылезло подкрепление. В груди защемило, и я потянул ладонь за гранатой, быстро достав её из разгрузки. Выдернул чеку, и спустил подарок по ступенькам, скакнув подальше от лестницы. Раздался хлопок взрыва, шевельнувший пыль на стенах, и в потолок полетели невидимые осколки. Снизу продолжали доноситься однотонные завывания, и если бы я не знал о мощности гранаты, то решил бы, что эффекта от этого минимум. Бегло выглянув, я увидел несколько ползущих по полу рабочих, с изувеченными от осколков ногами, и пару-тройку обездвиженных мертвяков. Пятеро уже поднимались ко мне, быстрые чупакабры оказались. Я перетянул вектор со спины вперёд, и, переведя его в режим одиночных выстрелов, навёл мушку на голову первой цели. Они подошли очень близко. Тах, тах, тах-тах. Три попадания, один промах, как назло мимо того, кто шёл ближе всех. Он преодолел последнюю ступеньку, и гнилой культей ударил по вектору, который выпал из моих ладоней. Вектор повис на ремне, и я отскочил на пару шагов назад, испуганно вдохнув полную грудь воздуха. Мертвяк, жадно разинув пасть, усыпанную сгнившими зубами, бросился ко мне, готовясь схватить. Он был слишком близко, и я бы не успел поднять оружие. Быстро поставив ноги на ширине плеч, я просчитал движение мертвяка. Когда он

попытался задавить меня весом тела, я присел, руками направляя его куда надо. Он по инерции плюхнулся на пол как палено, взвизгнув, будто задыхаясь. Повернулся обратно к лестнице. Схватив вектор, я подстрелил покойника, который покачиваясь, тупил перед последней ступенькой, и смотрел на неё, будто там лежит клад. Издав леденящий душу вой, он покатился вниз, сбивая с ног тех, кто шёл за ним. «Кегли. — Усмехнулся я про себя». Резко развернувшись, я пустил пулю в голову дохляку который пытался встать. Стонов внизу стало на порядок больше, они были злее, и громче. Взрывы гранат и выстрелы привлекли внимание других тварей. Даун. Чем я думал, когда поднимал шум, не знаю, но было страшно. Теперь я не был уверен, что скоро доберусь до схрона. Ведь я даже не понимал, как мне выбраться отсюда.

Они уже поднимались, и были будто гнилая волна несущая смерть, отдававшая соответствующим запахом. Когда я выглянул, то увидел, как одни валились на ступеньки, и другие поднимались по ним, как по мосту. Я не знал, сами ли они до такого додумались, но это их немного ускоряло. Было самое время применить вторую гранату, «и привлечь этим ещё больше тварей? Умненький какой. — Тут же осёкся я». Развернувшись, я перескочил дохлого мертвеца, и побежал по однообразным коридорам. Зомбей в очередь за мной выстроилось как по талону за хлебом, и тратить патроны было бестолковым делом. Только извёл бы бесценный ресурс. По пути я подбегал к окнам, и поглядывал вниз, и понял, что спрыгнуть не получится. Ими всё кишело кишмя, они двигались к лестнице, и, сбивая друг друга с ног, соревновались за первенство в возможности меня сожрать. Радовало, что там не было более смышлёных и быстрых тварей. Зомби давили числом, и ума у них как у камушка. «Выберусь, — думал я. — Осталось только придумать, как». Я бежал быстро, и вскоре добрался до противоположной части здания, минув вертикальную лестницу на третий этаж. Переполненный радостью и надеждой на спасение, я подошёл ко второму выходу, как вдруг снова услышал монотонный вой. «Ну твою мать! — Возмутился я, и посмотрел вниз. С этой стороны тоже собралась толпа, и она не спеша будто всплывала по ступенькам. — Третий этаж!». Я, спотыкаясь, и чуть ли не прыгая, добрался до вертикальной лестницы, спрятал вектор за спину, и поднялся наверх. Фух! Вот сюда подняться они точно не смогут. По дороге я не видел обычных ступенек. Это был почти точно такой же этаж, как и прежний, только с меньшим количеством строительного хлама и полосой деревянных ящиков. Ещё тут стоял смрад, чуть ли не как в конюшне, и на стенах были гигантские куски белого помета. На

одном из ящиков заметил белую коробочку, и решил подойти, посмотреть. Лежавшая пачка сигарет уже порядком отсырела, и под фольгой скопились жирные водяные капли. Решив, что сигареты могут мне пригодиться, и взяв их, я направился дальше изучать этаж. Я не курил, но предметам в Хостауне можно было найти самое неожиданное применение. Передвигаться приходилось осторожно, хоть и смысла в этом я не находил, потому, что завывания снизу разрывали устоявшуюся тут тишину. Но лучше перебдеть, чем недобдеть. На миг мне показалось, что под потолком что-то пошевелилось. Затем, мне на плечо свалился маленький кусочек бетона, и когда он упал, покатившись к окну, я наблюдал за ним. Птичий помет, смрад, странные шевеления под потолком. На лицо все признаки гнезда, и я даже догадывался, чьего. Главное, не включать фонарь. Увидев в окне трубы завода, к которому мне нужно было идти, я на несколько секунд задержал на нём взгляд. Зной стоял дикий, и казалось, что очертания завода вдали искажались. Мне нужно туда, но сначала, надо было отсюда. Продолжая осмотр, я надеялся, что будет куда податься. Ну хоть шахта лифта какая-нибудь, или мусоропровод, по которому можно спуститься. Мои изыскания прервала пулеметная дрель, донёсшаяся снаружи, и яростные раскаты металлической музыки. Эффектно появились, хех, подумал я, здорово. Затем, раздался хлопок ракетницы, за которым последовал взрыв. Его отголоски долетели до третьего этажа, и отскакивали от стен, разносясь по коридорам. То, что нежилось под потолком, никак на это не отреагировало. Значит точно, я не ошибся. Этих тварей побеспокоить может только свет дневной или фонаря. Дневного, к счастью, тут было немного, а фонарем я светить не собирался. Снизу рокотал пулемет, и остервенело выли мертвецы. Подойдя к окну, я выглянул, и увидел хаммер с пулеметным гнездом. От него, под прикрытием пулемета, к зданию двигался отряд из людей, на чьих головах были маски с черепами. Они вели прицельный огонь. «Мои, — обрадовался я». Они продвигались сквозь покойников, которые, распластавшись по полу, болтыхались, или лежали обездвиженные. Они были изувечены взрывом.

Я побежал к лестнице, и глянул вниз. Зомби столпились там, и пытались сообразить, как им подняться. Схватившись за рацию, я нажал на кнопку передачи, и крикнул:

— Это Отарэ! Я на третьем, сюда не поднимайтесь, и прожекторами лупить не вздумайте! Зачистите всё внизу, я спущусь!

Пытаясь помочь отряду, я достал Вектор, и одиночным стал отстреливать мертвецов внизу. Мне показалось, что у меня стало

саднить плечо от приклада, бившего отдачей, но скоро ощущение пропало. Наверное, оно было фантомным. Вскоре отряду удалось пробиться через лестницы, и оставшихся мертвяков они дорезали короткими очередями. Боец, показавшийся внизу, пнул мертвяка, лбом целующего стену около лестницы, и поманил меня рукой. Я поспешил спуститься.

— Вовремя вы, — сказал я, на всякий случай не убирая Вектор. — Как вы нашли меня? И кто вы?

— По жмуру, рядом с которым ты заспавнился. На нас на всех камеры. Я, — представился он, — Командир.

«М-да, Командир, тоже мне имечко, — почесал я затылок. — С отрядом, и с их оборудованием, тем более, познакомиться стоило». Идиотская привычка сольного игрока, работать одному, портила командные мероприятия. Когда мы спустились, и пошли к хаммеру, я взглянул на покойника из отряда, которого ели зомби при появлении. Не считал, сколько прошло со времени входа в игру, и его смерти, но точно больше пятнадцати минут. А столько обычно уходило на респаун. Почему он всё ещё лежал здесь?

— А этот ваш, — спросил я Командира, кивнув на мёртвого бойца, — респавнился уже?

— Нет, — пожал плечами командир. — И не дозвонишься до него. Будто и вправду умер.

Глядя на его обезображенное мертвецами тело, я дрогнул. Его порядком изъели. Изо рта текла полоска крови, которая перечеркнула ему всё лицо, и на меня были направлены голубые, лишенные жизни глаза. Страшно было представить, как больно ему было, и как он мучился, если бы происходящее в Хостауне было реальностью. Отогнав дурные мысли, я направился в хаммер.

Вскоре мы приехали к комплексу. Трубы заброшенного завода были высокими, и серыми. Квадрат, как и было поручено, был полностью изолирован от посторонних игроков с помощью танков. Передо мной выскочило окно Фейспалма, и там было сообщение от Повелителя Женщин. Недовольно скривившись, я открыл его. «Умрешь в игре, умрешь на самом деле». Мои глаза расширились от удивления, и меня передёрнуло. Это, уже, наверное, чушь. Он просто хочет заставить меня бояться! Иначе, зачем ему такое писать? Повернувшись к ребятам, я сказал, на всякий случай:

— Берегите здоровье, и не дохните. — Начал я, и продолжил, лишь убедившись, что меня все слышат. — Если с респауном какие-то проблемы, мне самому век к схрону не пробиться. А если я не смогу — у всех будут неприятности с зарплатой. Если не

убрать схрон, Хостаун потеряет доходы. Понятно?

В ответ они почти синхронно кивнули. Я не мог им сказать то, что прислал мне Повелитель Женщин. Они бы высмеяли, или не поверили, да и я сам не верил. Но с другой стороны — чем объяснить отсутствие респауна у парня, который умер рядом со мной? Этот вариант напрашивался как один из, и трудно было с ним не соглашаться. Я решил связаться со Стасом. Вскоре он ответил.

— Да?

— Стас, с респауном в игре всё нормально?

— М… Ну, никто не жаловался ещё. Сейчас посмотрю, — он ненадолго замолчал, а затем, продолжил ошарашенно. — Респауна нет.

А может, и не врал Повелитель Женщин? При этой мысли у меня возник вид покойного бойца, которого до этого живьём терзали десятки мертвецов. Он кричал и рыдал, тянулся к пистолету, что бы застрелиться, но не смог, потому что в следующий миг был парализован болью. К горлу подступил ком.

Мы минули заслон, выставленный из бронетехники, и она провожала нас мерным рокотанием моторов. Темнело, и захваченные природой подступы к фабрике погружались в холодный мрак, который затемнял яркий зелёный цвет травяного ковра, лежавшего перед забором. Становилось не по себе, и мысли о том, что я могу умереть, смешивались с чувством опасности, которое вызывало это место. Хотелось развернуться, бросив оружие, выйти в оффлайн, и проснуться в своей постели, осознав, что всё это — сон. Выйдя из хаммера, мы растянулись небольшой цепочкой, и, оставив машину, двинулись к входу. Я поглядывал на травяной покров у себя под ногами, и на фабрику, с которой сползало золотистое покрывало. На фоне большого солнечного диска, который закатывался за горизонт, трубы фабрики выглядели толстыми и размытыми полосками. Показалось, что в наступающей темноте окна мрачно заблестели, и оттуда на нас устремилось несколько десятков хищных глаз. Стало тревожно, и холодно. Когда я в очередной раз взглядом прошёлся по траве, что-то заставило меня замереть. Из общей картины поля грубо выделялись пятна земли, где трава, местами, обильно отсутствовала. Если верить моему скромному боевому опыту, это значило только одно, и точно ничего хорошего. Когда я остановился, и бойцы направили на меня вопросительные взгляды, остановившись вместе со мной. Я не видел их глаз, скрытых под очками, но был уверен, что взгляды вопросительные. Командир уточнил кивком, как бы спросив: «В чём дело?». Я жестом указал на свою находку, и он, тоже её заметив, медленно

кивнул. Вот за этим и нужны были очки. В условиях отсутствия цивилизации всё живое, почти всё живое — твой враг, и лучше бы тебе было заметить его раньше, чем оно заметит тебя. Защита глаз от солнца, которому пофигу, чьи глаза резать, давала в этом преимущество, особенно над теми, у кого очков не было. Больше шансов обнаружить и меньше шансов быть обнаруженным. Мы перешли на бесшумный шаг, и двинулись дальше, используя ведущую ногу как тросточку, нащупывая каждый сучок и осколок, который мог выдать наше присутствие. Аккуратно перенося вес тела с ноги на ногу, я одновременно вглядывался в травяной ковёр. Земляные пробелы в травяном поле — явный признак развёртывания маскировочной сетки над складкой местности, в которой прятался какой-нибудь негодяй. Даже если это было не так, то проверить точно стоило. Рандом по-разному обращался с фабрикой, и иногда засовывал туда небольшую стаю собак, но бывало и так, что там сидели та-а-а-кие сказочные твари, что лучше и не думать о них. Если вдруг пришлось бы с ними разбираться, с тварями, я бы не хотел, что бы кто-то палил нам в спину. Понаблюдав за ландшафтом ещё какое-то время, я обнаружил, что искал, и медленно поднял вектор, переведя его в режим автоматической стрельбы. «Как говорится в Божественной комедии, — подумал я, — ищите и обрящите». Я увидел колышки, вбитые в землю, вырастающие из неё, словно маленькие деревья, и расположены они были почти симметрично друг против друга. Места как раз на человечка. Таких рассадников было несколько, и, переглянувшись, мы с бойцами выбрали себе по цели. Кто бы это ни был, подход к маскировке дилетантский. Колышки вбили не глубоко, рассчитывая на то, что подходящих к засаде будет слепить солнце. Траву по близости рвали, похоже, из тех же соображений. Идиоты. Я пальцами отсчитал несколько секунд, показывая это остальным, прицелился между колышками, и мы синхронно нажали на спусковые крючки. Т-р-р-р-р-р-р-р-щелк. Я выпустил за долю секунды град свинцовых пуль, которые вонзились в траву, разбрасывая её в разные стороны. Неожиданно патроны кончились, и я, опасаясь ответного огня, отскочил, упав не землю. Вот дурья башка! В дороге дозарядить обойму ума не хватило?! Корил я себя, ожидая, что из укрытия кто-нибудь выскочит. Из моего никто не вылез, из числе соседних укрытий всё таки кто-то полез. Боец в чёрной форме выскочил из-под земли, как леший, срывая спиной маскировочную сетку и вскидывая автомат, с криком:

— Козлина-а-а-а!

Командир, молниеносно среагировав, пнул автомат врага тяжелым ботинком. Боец успел сделать пару выстрелов, которые

пришлись в сторону и в землю, прежде, чем командир продырявил ему голову короткой очередью. Я прижал голову к траве, и показалось, что надо мной пролетела пара пуль. Прежде, чем умереть, враг издал неприятный булькающий горловой звук, видимо, одно из попаданий пришлось в глотку. Вот! Орлиный глаз! Хвалил я себя, и осторожно вставал. Если бы не заметил, то нам бы точно сделали в спине пару дыр. Какой молодец, а? Бегло оглядев окружение в поисках ещё какой-нибудь засады, я вернулся к своей цели, и приподнял маскировочную сетку. Я ждал, что сейчас оттуда мне выстрелят в лицо, или хотя бы обматерят, но ни того, ни другого не произошло. Оттуда тянуло запахом табака, и легким перегаром. В наблюдении кто-то не прочь был поразвлечься. Мне не хотелось думать, чем он там ещё занимался, и я поскорее выдрал маскировочную сетку вместе с колышками. Воин лежал на спине, зажимая между пальцами окурок, и держа граненный стакан. Вот она, позиция настоящего солдата перед смертью. Мне бы так умереть, а? В одну лапку сигаретку, в другую водочку, и жизнь удалась. Мне казалось, что если бы не я его грохнул, то быть ему убитым раком чего-нибудь. Автомат валялся как неприкаянный, у бойца под ногами, и такое ощущение, что он вовсе не был нужен своему хозяину. На лице была маска, и в прорезях для глаз я увидел закрытые веки, залитые кровью. М-да, застал я его в интимный момент употребления приятных веществ. «Умрёшь в игре, умрёшь по настоящему» — вспомнил я послание, и у меня внутри будто похолодело. Если это так, то я только что лишил жизни живого человека, и смел над этим потешаться? Это же какой паскудой надо было быть?! «Успокойся, — утешал я себя. — Повелитель Женщин просто наводит страх, и всё. Он хочет тобой манипулировать». Плохие мысли отошли, и я снова относился к позиции покойника с забавой и снисхождением. Надо бы у Стаса спросить, что это за игроки. Любой придурок знал, что в Хостаун идти в чёрном камуфляже ещё хуже, чем в зелёном. Но если это нубы, то как они смогли проскочить танки незамеченными? Я вызвал меню, и выбрал там пункт поддержки. Вскоре дозвонился до Стаса, и отправил ему айдишники покойных. Повозившись недолго, он ответил:

— Это сотрудники конкурирующей компании, все, только есть кое-что необычное.

— Что? — Спросил я, думая, что может быть необычнее тупых конкурентов. — Среди них президент?

— Почти, — ответил Стас, и ответ его, признаться, меня удивил. — Все они носят код, хорошо зашифрованный, и код этот правительственный.

Я застыл, и по телу пробежался неприятный холодок. Это что значит, на меня и моих ребят, пробившись сквозь заслон, и зная необходимость устранения схрона, засаду устроили правительственные ребята? Такого не ожидал даже я.

Солнце в последний раз вспыхнуло за горизонтом, и немного подождав, исчезло, оставив после себя лишь тьму.

— Отарэ, что делать? — Спросил Стас после непродолжительной паузы. — Выпытывать из госов информацию?

— Нет. Для начала, всех игроков, кроме нас, выдерни в оффлайн.

— Но ты же…

— Из-за дня застоя мы к отрицательным значениям не придём. — Перебил я его. — Так что можешь спокойно всех выключать.

— Хорошо.

Я наблюдал за убитыми, и рассчитывал, что как только их выведут в оффлайн, то тела исчезнут. Однако, ничего не менялось, и они лежали на своих местах. Стас, спеша ответить на возникающие у меня вопросы, позвонил.

— Отарэ, а я не могу вывести никого в оффлайн.

— В смысле? — Возмутился я, вызвав меню, и начав тыкать на кнопку «Выход». В действительности, ничего не происходило. — Это ещё что за шутки? Ты давай там, налаживай всё!

— Я пытаюсь наладить! — Нервно ответил Стас. — Ничего не выходит, в оффлайн никого не вывести. Я ближайших к воротам игроков попросил пройти через поле. Вот только через него оффнуться и можно. Больше никак.

— Замечательно. Понял Стас, спасибо. — Я потянул палец к кнопке сброса. — Позже свяжемся…

— Стой, — попросил Стас, — это не всё.

— Что ещё?

— Телеметрия по игрокам, вошедшим в игру, но скоропостижно погибших, с ней…

— С ней что не так?! — Воскликнул я, недовольно разведя ладони. — Подделали?!

— Обнулили её. Вот что с ней не так. Те, кого слили, из игры не вышли, но и респауна не было. Телеметрия оригинальных тел показывает нулевой запас данных. Они мертвы.

— Отарэ, мы когда выдвигаемся? — Спросил Командир нетерпеливо, и на меня устремились взгляды всех членов отряда. — Ноги уже затекли стоять.

— Потерпи! — Отмахнулся я, и вернулся к Стасу. — Это я не тебе. Как это нулевой запас данных? Ты хочешь сказать…

Я взглянул на количество смертей за последний час, и увидел несколько сотен тысяч. От страха сердце забилось быстрее, и по коже будто прошлась холодная волна. Сколько, получается, людей погубил Хостаун с того момента, как мне написал Повелитель Женщин? Сотни тысяч. Но, уверен, люди стали погибать тогда, когда начались проблемы с респауном, а они начались далеко раньше часа. Я даже не хотел просматривать статистику, потому что цифра там точно переваливала за миллион. Я нахмурил брови, и застыл на месте, не в силах пошевелиться. Кричать было нельзя, вообще нельзя было подавать вида, что что-то не так, или я вспугну свой отряд. Отряд? Да я вспугну всех своих игроков и зрителей, когда это всплывёт. Повелитель Женщин, дамский маму твою угодник, почему ты раньше не предупредил меня о том, что смерть в игре теперь летальна для игрока на самом деле?! «Хочешь, я лишу тебя всего?» — Вспомнились мне его слова. Я стиснул зубы так, что они чуть не лопнули от давления. Лишил! «Правда всплывёт, и всё. — Разгневанно подумал я, — Все мои активы, Хостаун, Фейспалм, репутация, всё будет загублено к чёртовой бабушке!» Своим паскудством он лишил всего не только меня, но и отнял у невинных людей, у миллионов невинных людей их жизни! О-хо-хо-хо, какая же Повелитель Женщин змея! Меньшее, чему мне теперь хотелось его подвернуть, это сожжению на электрическом стуле!

— Отарэ, стемнело! — Окликнул меня Командир. — Надо идти, быстро!

Со стороны стройки раздался душераздирающий вой, и посмотрев туда, я увидел, как из недостроенного небоскреба вылетают десятки черных пятен. Я вспомнил, как в прошлый раз столкнулся с этими тварями, и повторения такого столкновения мне точно не хотелось. К счастью, по ночам они не ломились в помещения, потому что им надоедало четыре стены за время сна. Вой тварей, разлетевшийся по Хостауну, наверняка вызвал в каждом игроке леденящий ужас. Я оглядел бойцов, и, услышав вой, невольно вжал голову в плечи. На меня смотрели вопросительно и с упрёком.

— Ну?! — Не выдержал Командир. — Мы идём?!

— Бежим! — Скомандовал я, — Но в здание завода заходите тихо!

Мы закинули автоматы за спину, и побежали что есть сил. Всё было слишком реальным. Я отчётливо ощущал мышечную боль, с каждым метром бега заполнявшую мои ноющие конечности, которые вскоре могут перестать меня слушаться. Страх и отчаяние терзали меня так, будто бы я испытывал их в

настоящей жизни. Я часто поглядывал в сторону разлетающихся по всему Хостауну тварей, и на миг мне показалось, что всё покрылось белым ковром снега. Похолодало, и, выдохнув, я выпустил небольшое облачко пара. «Что это? Неужели мне кажется? Ну, точно, наверняка поехала крыша». — подумал я, раздосадовавшись. Ещё я подумал, что произошел какой-то сбой в системе, и разработчики случайно активировали зимний вариант карты. Это удивило меня, потому что зимнего Хостауна у меня даже не было в планах. Похоже, меня хотели удивить. Я всмотрелся внимательнее, заметив новые детали. Зацепившись за горизонт, небо укрыли хмурые тучи, сквозь которые с трудом пробивался солнечный свет. Они будто светились, и показалось, что они освещают город, а никакое не Солнце. Здания приобрели более застарелый и потрепанный вид, чем в оригинале Хостауна. «А классно, — подумал я. — Зимняя карта игрокам бы понравилась». В один момент Хостаун снова стал прежним, перед этим исчезнув, и появившись с помехами, будто на секунду провалился в параллельное измерение. «Отлично, ещё не хватало лагов. Тогда будет замечательно», — подумал я, недовольно скривив губу.

Мы приблизились к воротам, и, минув их, вскоре оказались перед входом на фабрику. Порыв ветра врезался в дверь, приоткрыв её, и мы услышали скрипение ржавых петель. Тьма, повисшая за образовавшимся между дверьми зазором, скрывала за собой помещения и не давала нам ничего разглядеть. По спине пробежался холод, будто бы к коже прислонили большой кусок льда, и я дернул плечом. Я не имел ни малейшего понятия, что там сейчас будет находиться. Операцию стали проводить слишком стремительно, и разрабы точно не успели переделать скрипты, отключить рандом, и засунуть туда болонок вместо саблезубых тигров, которые вполне могли устроить там охотничьи угодья. Я сделал шаг вперёд, но застыл, и, почуяв мои сомнения, застыли остальные. Вперед идти не хотелось, но и бежать было некуда. Сзади даже танкисты погасили прожекторы, что бы избежать внимания летучих тварей, которые броню вскрывали как самурайский меч консервную банку. С людьми они справлялись так же просто, как и с техникой, а сами были едва убиваемые. Их сделали, что бы ночью загонять игроков в укрытия, сделать игру более интересной, и дать более слабым мобам дождаться респауна. «Либо на кол либо, либо в мясорубку. Классный выбор», — подумал я, и усмехнулся. На меня укоризненно посмотрели, будто спрашивая, чего смешного я нашёл в данной ситуации.

— Идём, — произнёс я, но как-то не уверенно. И видимо,

произнёс тихо, потому что никто не шевельнулся.

Раз уж чувства бушевали настоящие, то видимо, и окружающие улавливают их по-настоящему. Я глубоко вдохнул и выдохнул, внушив себе уверенность в том, что мы справимся с любыми трудностями, и в том, что я настоящий лидер.

— Идём. — Командирски отрезал я, перетянув вектор вперёд, и нацелился в темноту. — Стреляем точно, шум стараемся не поднимать. Возможно, удастся пройти тихо.

Почувствовав мою уверенность, члены отряда взбодрились. Как только я подошёл ближе, мои ноздри тут же заполнил неприятный запах гнили. От отвращения я сморщил лицо. Я прокашлялся, и оглянулся на ребят. Им всё было равно. Похоже, в масках были респираторы, а вот что делать мне? Пройти, вдыхая такие ароматы, будет очень сложно. Вспомнив пачку сигарет, найденную на стройке, я достал её из кармана. Вытащив оттуда пару белых палочек, я оторвал фильтры, и быстро содрав с них бумагу, распушил. Вставил в обе ноздри, и вдохнул полной грудью, класс. Вонь почти перестала тревожить обоняние. Пусть это и не избавит меня от неприятного запаха полностью, но, по крайней мере, фильтры притупят вонищу, и она не будет отвлекать внимание. Прежде чем двинуться, я взглянул на окна. Под одним из них я заметил три широких рваных впадины. Мы вошли в здание, и зажгли фонари, освещая брошенные помещения. Впереди вытянулся рад разнообразных и тяжелых станков, покрытых ржавчиной.

Мне показалось, что по потолку что-то промчалось. И похоже, показалось ни одному мне. Фонарные лучи стали суетливо обшаривать помещение, прыгая по потолку и станкам. Если впадины под окном — след чьей-то когтистой лапы, то тварь тут сидела явно крупная. Но как она так быстро двигалась, я не понимал. Двигалась ли? Может она вообще телепортируется? Я решил, что стоит поставить отряд плотнее, ведь если на нас охотиться группа, то разбредаться — самоубийство.

— П…

Начал я, но прервался. Раздавались автоматные выстрелы, не прекращаясь. По коже побежали мурашки, душа будто ушла в пятки, и я, испуганно вскинув вектор, повернулся в сторону звука. Глотка автомата заливалась огнём, и освещала ужасающую картину. Кто-то вонзил в шею бойца длинный хвост, который пронзил его насквозь, острием выходя из ноги и втыкаясь в землю. Боец судорожно дёргался от терзающих его конвульсий и мышечных сокращений, с шипением из глотки будто выстреливала кровь, вылетая короткими струйками. Боец захлебывался собственной кровью и не мог даже вскрикнуть от

боли, охваченный сильнейшим болевым спазмом.

— С… — Начал я, но проглотил слова.

Меня проняла дрожь и страх будто резанул меня по сухожилиям. Ноги подкосились, и я с трудом мог пошевелиться. Что это была за тварь? Я не знал, но понимал, что это смертельно опасный и жестокий хищник. Он вынул хвост их бойца и нырнул во тьму. Боец повалился замертво, и автомат, щелкнув, перестал стрелять.

— Огонь! Огонь! Быстро спина к спине! — Крикнул Командир, схвативший меня за шкирку, и вырвавший из оцепенения. Одной рукой он тянул меня, а другой держал автомат и палил по потолку. — К стене! К стене! Он так сзади зайти не сможет! Быстрее!

Я взял над собой контроль, и, выполняя распоряжения Командира, прижался к спине ближайшего бойца. Мы сформировали оборонительное кольцо, которым двигались к стенке, идя вдоль которой можно добраться до схрона. Я рыскал фонарем по потолку, пытаясь хоть на миг запечатлеть чудовище, решившее устроить над нами расправу. Я поймал его в овал света на короткий момент, и во рту пересохло. Кошмарная, крупная тварь, вытаращила на меня многочисленные глаза, и, издав писклявый рёв, тут же сбежала от света. Моё сердце будто перестало стучать, и я потерял всякую надежду на то, что мы выберемся отсюда живыми.

Мы прижались к стене, и не опускали оружия, направив его в потолок. Перезарядив вектор, я продолжал искать цель. Когда овал света цеплялся за часть тела твари, я нажимал на спусковой крючок. Из-за постоянных автоматных выстрелов мы всегда находились в неясном полумраке, что неплохо освещало подходы к нам. Тварь постоянно сокращала дистанцию, но нам удавалось отгонять её. Как только она появлялась, мы палили из всех стволов, и мощь, с которой врезались в неё пули, отбрасывала её далеко назад, или скидывала с потолка. На момент тварь исчезла, и мы перестали стрелять.

— Где?! — Испуганно спросил боец дрожащим голосом, и пытался представить, откуда в следующий момент выскочит чудовище. — Куда оно делось?!

Я не знал, куда оно делось и, не смотря на внешнее спокойствие, заставлял себя сдерживаться от того, что бы рвануться к выходу. Все мы видели, что оно сделало со своей первой жертвой, и никто из нас не хотел повторить этой участи. Бойцы брали в прицелы пространства перед любыми укрытиями, из которых охотник мог появиться. Он мог быть везде, выскочить откуда угодно и молниеносно разделаться с любым из нас. Вдруг

один из станков дернулся, и мы сосредоточили на нём свет фонарей.

— Что за фигня?! — Крикнул Командир тревожно.

Что-то с неведомой силой толкнуло станок так, что он будто пулей вылетел со своего места, и направился к нам, с диким грохотом скользя по полу. Станок с бешеной скоростью мчался на одного из бойцов слева от меня, и я хотел рвануться в его сторону, что бы оттолкнуть.

— В сторону! — Крикнул я.

Вдруг невидимая сила заставила меня замереть, сковав ноги, и я беспомощно наблюдал, как боец расплющился под колоссальным давлением нескольких тонн металла. На меня брызнула тёплая кровь, смешавшаяся с каменной крошкой. В груди защемило, боже, твою мать! Почему я не помог ему?! Не смог бы, подумал я обреченно и стиснул зубы, не смог бы. Прыгни я его спасать, то оказался бы раздавленным, а этого допускать было никак нельзя.

— Уильям! — Крикнул Командир, и посветил фонарем на место, где был станок. Тварь недолго там постояла, оценив результаты своего поступка, и тут же скрылась за другим станком. — Стреляй! Стреляйте! — Крикнул Командир, вырывая нас из очередного ступора.

Застрекотало оружие, и тварь снова скрылась, прячась от пуль. Мы собирались бежать, но командир крикнул:

— Стоять! Не рыпаться! Кто дернется, убью на хер!

Мы застыли, совсем не понимая, чего хочет командир. Я посмотрел на него. Он фонарем торопливо изучал станки, лучом выхватывая их громоздкие силуэты из темноты. Вдруг один из них, который перед нами, зашевелился.

— В рассыпную! — Скомандовал Командир. — Быстро! Берём её в кольцо!

Мы подчинились, и точно в следующую секунду тварь вышвырнула станок с насиженного места. Я отпрыгнул в сторону, и побежал вперёд, взглядом зацепив мчащийся мимо станок. Сзади я услышал грохот и скрежет металла, вновь ощутив каменную крошку, в этот раз бьющую по ногам и спине. Тварь истошно заверещала, поняв, что попала в нашу ловушку. Бойцы и командир взяли её в овалы фонарей, и прямо на ходу стали расстреливать, что-бы не дать вскочить на потолок. Пули не брали её, очевидно, но давления от ударов пуль хватало, что бы её обездвижить. Она растерялась, и стала метаться из стороны в сторону, пытаясь избежать боли, но больно было везде. Я подключился к отряду и, стараясь целиться в глаза, надавил на спусковой крючок. На миг мне показалось, что в её глазах

появился блеск страха, но позже понял, что это лишь отражение фонарного света. Её взгляд был туп, в нём не было ничего сознательного или разумного, она просто хотела есть. Вдруг она поднялась на две ноги, и вытянулась во весь рост, злобно рыча и размахивая длиннющим хвостом, будто пыталась напугать нас своими размерами. Она перестала сгибаться под выстрелами, и вновь зарычав, разинула жуткую пасть. Вновь упав на четвереньки, она, цокая по полу громадными когтями, рванулась в сторону, придавив своим тяжелым телом бойца, стоящего у станка. Боец вскрикнул. Отскочив от бойца, тварь пустила громадную лапу ему под ребра, прижала к станку, и стала поднимать как тряпку, рисуя кровавую дорожку. Боец кричал и извивался от боли.

— Вали! Отарэ! Беги отсюда! — Крикнул командир, понимая, что тварь не одолеть. — Быстро к схрону!

Я хотел ослушаться его, хотел остаться с ними и придумать способ одолеть чудовище, но понимал, что если не уйду сейчас, то погибну, и тогда людей может умереть ещё больше. Я хотел спасти их всех, но как? Сердце колотилось так сильно, что казалось, может переломать рёбра. Командир достал из разгрузки пластид и хотел налепить его на тварь. Не дожидаясь конца представления, я бросился бежать, слыша позади выстрелы и мучительные крики.

Скоро я увидел вход в подвал. Над высоким дверным проемом покоилась дряблая кирпичная стена, которая могла обрушиться от легкого дуновения ветра. Я осветил мрак ведущей вниз лестницы, и нырнул в подвал, оглянувшись. За мной кто-то бежал. Это мчался командир, и за ним, злобно рыча, бежала тварь.

— В подвал! — Кричал Командир, бросив автомат. Он всё ещё держал в ладони пластид, и махал мне, давая знак скрыться.

Я молча подчинился, и словно влетел в темный подвал, спрятавшись за стеной. Спустя несколько секунд заверещала тварь, и Командир жутко бранился ей в ответ, угрожая и осыпая проклятиями. Я терялся в догадках, что командир хочет сделать, и догадался лишь за миг до происшествия. Он решил завалить вход в подвал. Неужели он так легко готов отдать жизнь за меня, и какую-то игру? Для него это и было игрой. Он не знал, что умрёт по-настоящему. В животе вдруг стало невыносимо тяжело, будто туда кинули гирю. Он же ничего не знает, я же ничего ему не сказал, и для него это всего лишь игра. Но это не повышенный уровень чувствительности для интересности, это реальность!

— Командир! Не надо! Командир! — Крикнул я, бросившись по лестнице к выходу, но было поздно. — Не надо!

Я не успел ничего разглядеть. После глухого хлопка прогремел взрыв, и меня отнесло ударной волной. Я ощутил себя самой худшей тварью на планете. Ведь это я ничего не сказал им, я не дал им понять, что всё серьёзно. Из-за этого они были расслабленными, и так легко пошли на верную смерть, совсем не беспокоясь за свои жизни. Я свалился на влажный пол подвала со звоном в ушах, и перед глазами задвоился упавший неподалеку фонарь. Я слышал, как сзади гремели засыпавшие проход кирпичи. Тварь недовольно верещала, пытаясь прорваться сквозь образовавшуюся преграду, но не смогла. Я с трудом поднялся, взяв фонарь, и тут же принялся светить вокруг, надеясь, что тут никто не прятался. Мне было тоскливо, я хотел горевать по людям, которых потерял, но не мог, не в тот момент. Вдали что-то мерцало тусклым желтым светом, и я немедля побежал туда, спотыкаясь. Желтым свечением являлась цель моего похода, и я чувствовал это в глубине души. Ничем другим это быть не могло. Такая крохотная вещь стала источником огромных неприятностей и большого горя. Я недовольно косился на неё, добираясь, и воображал себе, как уничтожу, когда найду.

Наконец, я добежал до места, и обнаружил, что желтый свет сочится из-под серой маскировочной сетки. Я вспомнил, что подошедшие к схрону сходили с ума. Значит, со мной тоже должно было произойти что-то неприятное. «Почему со мной ничего не происходит?», — подумал я, и у меня появились сомнения по поводу слухов в сети. Это лишний раз подтверждало, что сплетням нельзя верить.

Я вскинул вектор, собираясь расстрелять сетку, но вдруг остановился. Я должен был увидеть то, из-за чего у меня было столько проблем, и из-за чего страдали люди. Ухватившись за сетку, я стал поднимать её, и с неё полетели клубы пыли. Между кирпичами лежал, и сиял, то становясь ярче, то более тусклым, шарик. «И что это?», — подумал я, смотря недовольно. Ради этого люди гибли, и по вине этого я лишался народа и своего проекта? Я решил, что действительно, количество проблем, которые доставляет эта штука, явно не соответствует её размеру. Подняв шарик, я вытянул его перед собой, и всмотрелся. Вдруг он словно ожил, и стал вибрировать у меня между пальцев. От него стало исходить приятное тепло, и он начал сиять всё ярче и ярче. Из него выскочило множество треугольников разных форм, которые стали хаотично вращаться вокруг шарика, словно у него была орбита. Что это? Что оно хочет сделать и есть ли у него воля? Почему оно губит мою жизнь? Я стиснул зубы, и терпеливо ждал того, что должно произойти, и мне, честно, было почти всё равно, что это будет. Сзади раздался звук упавшей капли, и в глазах

потемнело.

* * *

Раздавались глухие хлопки взрывающихся зенитных снарядов, которые словно пытались вырвать меня из сна. Работает ПВО, в этом разобрался сразу. В кого стреляли? Воздушной техники слышно не было, и небо, судя по всему, было чистым. Просто так палили, что ли?

— Вставай!

Крикнул кто-то, и его голос показался мне очень знакомым. Он командирским басом пытался вытащить меня обратно в реальность, но я очень не хотел просыпаться. Болела нога, тело было налито свинцом, и отказывалось мне подчиняться. Где я и куда попал, тоже было неясно.

— Вставай! — Крикнул кто-то ещё раз. — Чего разлегся?! Наши уже отстрелялись, сейчас техника пойдёт, Отарэ! Поднимайся!

«Кто пойдёт? Какие наши и какая техника? Что он несёт?», — подумал я раздражительно, и приподнялся, будто по чужой воле. Я неохотно раскрыл веки, и увидел размытый силуэт лысого мужчины. Раздались очередные хлопки взрывов, и я услышал, как с улицы доносятся автоматные выстрелы с командными окриками. В воздухе висел запах пороха. Между игроками вспыхнула масштабная битва?

— Вставай уже! — Произнес ещё кто-то, и в этот раз это был голос Стаса.

Что? Стас? Я не поверил своим ушам. Неужели Стас оказался в Хостауне? Как же я буду идти обратно без всевидящего ока?

Взгляд прояснился. Мы находились в потрепанной квартире, которую явно расстреливали из всего, чем только можно расстрелять. В побитое окно сочился тусклый дневной свет, который сдерживали тучи, но даже он больно резал глаза.

— Очнулся? Супер! — Оживился Бритый, так я его про себя окрестил. — Ща! Ща наши пойдут, и нам тоже пора выдвигаться! Как нога твоя? Идти сможешь?

Я взглянул на свою перебинтованную ногу. По бинту расползлось и засохло кровавое пятно. Попробовав пошевелить ногой, я понял, что, наверное, худо-бедно смогу на ней стоять. Что произошло, и почему я забинтован? Бритый достал пару закрытых рюмок, и протянул одну Стасу.

— На! С ним поделишься! — Бритый махнул в мою сторону. — Иначе вы не сможете, в наступление это не в засаде

сидеть!

Стас приоткрыл рюмку, и, понюхав, сморщил лицо от отвращения. То, что там было налито, явно пришлось ему не по вкусу. Он был в военной форме, которая, кстати, оказалась ему очень к лицу.

— Водка что ли?!

— Ага, — отозвался бритый. — Пей.

Стас только собрался опрокинуть рюмку, как вдруг возник гул вертолетов. Стас бросил рюмку, и подкрался к окну, спрятавшись за стеной. Бритый с досадой посмотрел на стакан, и прикусив губу встал рядом со Стасом. Он осторожно высунулся из укрытия, и выглянул, сказав:

— Во! Наши пошли! Пора! Отарэ, давай-давай, поднимайся!

Кто наши? Какие наши? Я всё никак не мог взять это в толк, и попытался приподняться выше. Не вышло, и я понял, что совсем не контролирую себя. Вертолетный гул усиливался, мимо окна промчались, разрезая воздух и свистя тяжелыми лопастями, несколько боевых вертолётов. Они открыли огонь, заставив пусковые установки выплюнуть реактивные струи и расчертить ракетами длинные дымные полосы. Вдали раздались грохоты взрывов, что смешались с не стихающими внизу выстрелами. Предприняв очередную попытку встать, я испытал резкую боль, которая будто громадным мечом резанула всё тело. В глазах всё поплыло, и я стал слышать нарастающий писк. Вскоре фигуры Стаса и Бритого размылись окончательно, и я погрузился в темноту. Писк исчез.

Я очнулся, распахнув веки, и вскочил, будто к спине приложили горелку. Сделав глубокий, резкий вдох, я стал панически осматриваться. Где тварь? Где отряд? Куда делся Стас в военной форме, и почему мы вдруг оказались здесь? Я пытался вспомнить, куда положил шар, и забирал ли я его вообще, но в голове перемешались игра, реальность, и сон. Я не понимал, где нахожусь.

— Где я?! — Испуганно спросил я.

Недалеко от меня замер Стас, с удивленно распахнутыми глазами, и около него находилось два сотрудника лазарета, которые тоже на меня смотрели, то ли с жалостью, то ли со снисхождением. Они втроем бросились ко мне, укладывая обратно в койку, а я пытался вырвать из воспоминаний хоть что-то, что произошло после того, как я взял шар.

— В реале, — успокаивал меня Стас, держа за плечи. — В реале ты, всё хорошо.

— Куда хорошо?! — Прошипел я неожиданно бодро. — Какое хорошо?! Что с людьми?!

Я вскочил, и сжал его плечи так сильно, что Стас даже болезненно сморщил лицо.

— Успокойся, — сказал Стас спокойным тоном. — Пусти, если ты готов, я расскажу.

Я разжал ладони, и беспомощно плюхнулся в постель, смотря в потолок. По телу словно прошлась волна гнева, и парализовала меня. Я не видел потолка, я видел другую картину. Перед мысленным взором пролетали картинки с убитыми бойцами из отряда, я видел их растерзанные хищником тела. Я слышал их предсмертные крики, и им, похоже, было так больно, что они и не ожидали этого. На миг я представил всех, кто погиб в Хостауне. Их рвали, терзали, потрошили заживо, ведь я, собственноручно разрабатывал модель поведения тварей в Хостауне. Я сильно сжал простыню, оказавшуюся в ладонях, стиснул зубы, и, разрываясь в безмолвном крике чуть ли не плакал.

— Найти-и-и, — прошипел я дрожащим от гнева голосом. — Найти, и убить суку, — я впился взглядом в Стаса. — Ты меня понял?

Он кивнул. На его лице отражались грусть и глубокая тоска, будто он потерял кого-то очень близкого. Мы оба прекрасно знали, кого я приказал убить. Он действительно отнял у меня всё, да и не только у меня. Сколько родителей сегодня потеряли детей, и сколько детей осталось без родителей? Моя игра погубила больше людей, чем Вторая мировая. Средний темп смертности в Хостауне мне известен, и с учётом того, сколько времени прошло, игроков было убито не меньше шестидесяти миллионов.

— Сколько? — Обессиленно спросил я, и снова уставился в потолок. Гнев выкачал из меня все силы, и наступила беспомощность.

— Чего сколько? Платежных кубов? — Осторожно поинтересовался Стас.

— Господи, да сам ты куб! — Отчаянно ответил я, — людей! Людей сколько?!

— С-семьдесят шесть миллионов. — Сказал Стас, грустно выдохнув. — Мертвы, безвозвратно. Правительство закрывает Хостаун. Обвинений нет, не волнуйся. Правительство травит Повелителя Женщин, и мы им поможем.

Это меня не удивило. Я бы сам закрыл Хостаун после уничтожения схрона. А на обвинения мне было плевать. Я винил себя сам. Вот если бы я его послушал, Повелителя Женщин, а? Если бы добавил в друзья, и выслушал? Может, всё было бы по-другому. «Да нифига, эта паскуда просто издевается над всеми», — подумал я. За этот день во мне многое переменилось, и

я понял, что увлечение виртуальной реальностью способно забрать у человека жизнь, теперь и буквально. Нет, я не думал, что игры зло, я думал, что зло — передозировка ими.

— Где шар? — Спросил я, — куда он делся?

— В отделе разработок, его уже изучают. СМИ передают, что это вирус, который теперь есть почти у каждого человека. Прикинь, — удивился Стас, — Повелитель Женщин не только в Хостаун его закинул. Даже в социальные сети. В сообщения, — продолжал Стас. — Теперь шар называют Реверсивный бит. У Повелителя Женщин огромная власть появилась. Ему, похоже, только правительство конкурент.

— Почему? Почему Реверсивный бит? — спросил я безразлично, и не моргая смотрел в потолок.

— Шар выворачивает мозг, и убивает применившего его.

— Тогда почему я жив? — Я взглянул на Стаса, и, судя по растерянному лицу, ответа он не знал. — Фейспалм тоже заражен?

— Да. Плохи дела, Отарэ. Реверсивный бит охотно принимают, и особенно торчки. Никто не верит, что он убивает, а вот кайфа обещают немерено. Ещё сверхспособности, утерянные воспоминания, и прочее.

Когда он сказал про утерянные воспоминания, я вспомнил видение с Бритым и Стасом в военной форме, нахмурившись.

— Что такое?

— Ничего, — ответил я. — Закрывай всё, ценные бумаги сгружай в рынок, активы тоже продавай, недвижимость, имущество, чтобы завтра всё стояло на продаже.

— Но рынок же обрушится! — Возмутился Стас и даже подскочил. — Ты что, хочешь, что бы тебя обвинили в попытке спровоцировать экономический кризис?

— Срать, — равнодушно ответил я. — Я не хочу быть спонсором массового убийства, пусть и поневоле. Если закрытие компании — способ помешать этой мрази, то я даже на это пойду. Когда Фейспалм прикроют, Повелитель Женщин немалого количества наркоманов лишится.

— Но мы же, — встав, заметался Стас, и, походив по комнате, прислонился лбом к стенке. — Столько времени! Мы полжизни всё это поднимали!

— Тебя не обидят. Всё, как и обговаривали. Половина прибыли с продажи твоя.

— Да я не про это! Мы душу в это вложили! — Стас обреченно взмахнул рукой. — Ладно, — он отстранился от стенки, — как скажешь.

— Спасибо, Стас.

Он вышел, и следом ушли ребята из персонала, расстроенные, что вскоре останутся без работы. Я хотел окликнуть их, и попросить побыть со мной немного, но остановился. Стало невыносимо грустно, и одиноко, но зато теперь я мог тосковать. Я хотел искренне тосковать за тех, кто погиб в Хостауне, честно, хотел, но не мог. Мне было грустно, но тосковать искренне и со слезами я не мог. Это как услышать о том, что кто-то далекий от твоей жизни выпал из окна и разбился. Грустно конечно, но это не твоя личная трагедия.

Это уже было неважно. Моя жизнь, как предпринимателя, была кончена. Моя жизнь, как человека, была кончена. Моя жизнь — была кончена.

* * *

На ярких экранах шла прямая трансляция. Ведущий, будто находясь под огнём, окруженный многочисленной толпой, пытался перекричать её. На заднем фоне находилось здание фондовой биржи.

— Отарэ Компани объявила о своём уходе с рынка! — Он прижимал к уху какое-то устройство. — Ведущие экономисты пророчат очередной финансовый кризис! Они говорят, что последствия для населения будут колоссальными и страшными!

— Спасибо, Кайл! — Раздался приятный голос ведущей, и теперь вместо биржи стали показывать студию. Рядом с ней сидел мужчина в костюме священника. — Так же своё мнение высказал глава банка Фобос, и он полностью согласен с экономистами. Мистер Киролл, что вы можете посоветовать людям, с учётом сложившийся на рынке ситуации?

— Молиться, — начал Киролл, погладив крест, лежащий у него на груди. — И ещё, всем известно, что Фобос крупнейший интернациональный банк, в котором деньги людей точно будут в…

— Вырубись. — Сухо скомандовал я, и экраны погасли.

Дальше слушать смысла не было. Реклама — хлеб для СМИ в нашей стране. Священник во главе банка — не удивило. «Теперь феминисток может возглавлять бьющий их алкаш», — подумал я язвительно. Социум был склонен к тому, чтобы не иметь никакой позиции. Люди были тем, кем хотят быть, и не принимали каких либо правил, которые их роль имеет. Гомофоб мог быть геем, лесбиянка могла вполне сносить мужчин, а чайлдфри мог иметь детей, даже охотно. Для людей остались только названия, и всё лишилось сути. Глупо, конечно, но я любил людей даже так.

Главное, что бы они были счастливы, и не причиняли вреда другим, как это сделал я.

Я лежал в мягкой постели, и, сцепив руки за затылком, смотрел в потолок. А что мне ещё оставалось делать? Компания закрыта, ресурсов у меня стало на порядок меньше, что впрочем, было не так страшно. Недвижимость, сдаваемая мной в наём, вполне окупала и мои кубы, и бытовые расходы, и спорт, и, если надо, оставался излишек на развлечения. Да здравствует финансовая грамотность.

Сев на край кровати, я задумчиво глядел в пол. Чего мне сейчас хотелось, не понимал даже я сам, но неделя лежания в кровати до добра точно не довела бы. Открыл окно КоллКаллера, Фейспалма же теперь не было. Услышав звук входящего вызова, я вздрогнул, покрывшись мурашками.

— Твою мать, — недовольно пробубнел я. — Кому там ещё?

Прокрутил окно с вызовом, увидел фотографию девушки. Звонила Инна. Невероятной красоты темноволосая девушка, с самого детства носившая стрижку каре. Она была единственной на моей памяти, кто не изменял своему стилю и своей политической позиции. Если человек не меняется, значит, стоит на месте. Честно сказать, я даже не видел смысла ни в стиле, ни в политической позиции. Всё от социума, всё от рекламы.

Принял вызов, и услышал её бархатный, теплый голос. В груди будто загорелся огонек возбуждения, и, повисев там, помчался вниз. Слушая Инну, я с наслаждением закрыл глаза. Воображение разыгралось, я увидел изящное женское тело скованное полумраком, услышал вздрагивающий от волнения женский стон, перерастающий в эхо, и мне стало ясно, чего я хочу. Инна, Инночка, Иннусик. Несколько слов, и уже была назначена встреча в приватной обстановке, в каком-то неизвестном мне отеле. Она сказала, что он хороший, и я ей поверил. Как-то она подозрительно быстро согласилась, ведь я помнил ее недотрогой. Странно… может, у неё тоже случилось горе? Не важно.

Мы взрослые люди и хотим близости.

Я вышел, и сев на велосипед, помчался по Тенуру. Город был наикрасивейший, но сейчас он показался мне чужим. Светящиеся синим неоном здания тянулись к небесам, и некоторым даже удавалось дотянуться до парящих в небе хмурых туч. Это был прохладный, мрачный и безлюдный вечер. Смотря по сторонам, я почти не видел ни пешеходов, ни машин. Тенур будто впал в спячку, в страшный, беспробудный сон, повесив на дверь своего номера табличку «Не беспокоить. Никогда не беспокоить». Мне хотелось уснуть вместе с городом. Нет, не навсегда, а до тех пор,

пока боль не уймеся. Я надеялся, что мы с Инной поможем друг другу притупить страдания.

С неба стали падаль легкие капли дождя, и подул холодный, продирающий до костей ветер. Когда я проезжал мимо публичного дома, мне на встречу бросилась толпа проституток, которые хотели меня соблазнить. То ли вид у меня очень усталый был, то ли у них сегодня действительно были проблемы с клиентурой. Кое-как вырвавшись из плена ласковых женских рук и аромата дешевых духов, я поехал дальше, усмехнувшись. Они поступили прямо как проститутки в старые времена, пытаясь продать мне свои услуги, будто утомленному дорогой и обделенному женским вниманием путнику. Это даже умилило меня.

Я хотел купить цветы и что-то к столу, но тут получил сообщение от Инны, в котором было указано, что уход ей не нужен. Впрочем, почему бы и нет? Скорее всего, это будет сиюминутная близость, после которой мы надолго друг о друге забудем. Но я чувствовал, что сейчас, это нужно нам обоим как кислород.

Преодолев полпути, я задумался о Стасе. Почему генеральным директором я выбрал именно его? Было много замечательных и более образованных кандидатов на эту должность. Я с трудом мог ответить себе на этот вопрос, да и ответ был абстрактным. В Стасе было что-то от давнего друга и товарища, которого я потерял на много лет, и вот встретил. Мне сразу стало понятно, что ему можно доверить даже жизнь. «В итоге, её я ему и доверил», — усмехнулся я, вспоминая свой поход в Хостаун.

Путь к Инне казался мне поездкой по дороге жизни. Я помнил Хостаун, помнил, как случайно обнаружил файл его карты. В тот момент мне пришла идея сделать из него игру в жанре постапокалипсиса, и я действовал незамедлительно. «Одно из правил успеха — короткий промежуток времени между мыслью и действием. Возможностей, конечно, много, но они почти никогда не появляются снова», — вспомнил я слова своего ментора. Хостаун окупился с торицей, сделав меня самым богатым человеком в мире. Помню в детстве… а что было в детстве? Я помнил что-то фрагментарно, но никогда мне не удавалось сложить целостную картину из детских воспоминаний. Их будто бы и не было, моих, были только чужие.

Наконец-то я приехал. Из прошлого я проехал к настоящему, к тому, где находился сейчас. Я вошёл в номер с огромной кроватью, и увидел Инну в роскошном эротическом белье. Она держала между пальцев тлеющую сигарету, а рядом, на столик,

была поставлена маленькая рюмочка, в которой, похоже, было что-то крепкое и уже выпитое. Инна сделала затяжку, и дверь за мной вдруг защёлкнулась, лишив меня возможности выйти. Близость настала без прелюдий, без нужных деталей и моментов, делающих секс цивилизованным занятием. Мы были как животные, как звери, которые вожделели друг друга долгое-долгое время, и в какой-то момент невидимый хозяин спустил нас с цепей.

Когда я проснулся утром, Инны уже не было рядом. После неё остался лишь окурок, лежавший в пепельнице на столе, и небольшая, хрустальная рюмочка. Для спокойствия я решил взглянуть на индикатор данных, и привычно хотел закрыть его, но заметил, что что-то не так. С непривычной скоростью, необычно быстро, данные уходили из моего хранилища. Я прикинул, с какой скоростью их не станет.

— Какого хрена?! — Вскрикнул я, и вскочил, поскальзываясь о шелковое постельное белье. — Какого хрена?!

В теле словно разогнулась пружина, и я моментально пришел в чувство, забыв все ужасы, которые меня мучали. Страх будто водил по телу острыми коготками, и сердце пропустило несколько ударов. Весь мир сейчас сузился до масштаба индикатора, который уменьшался на глазах.

Вот, что бывает, когда думаешь хером, а не головой. Сам виноват, Отарэ, сам.

Жить мне оставалось четыре-пять дней. И на этот раз жизнь кончится буквально.

За окном был рассвет. Солнце приветственно било лучами из-за горизонта, и готовилось накрыть намокший от дождя город теплым покрывалом. Но восход был не в радость, ведь мне оставалось увидеть лишь несколько таких.

— Гребаная шлюха! — Процедил я сквозь зубы. Я вскочил, подошел к столику, и уперся в него кулаками. — Мразь! Сука!

Кому ещё кроме неё это было устраивать? Полтергейстов с нами не было. У всего есть причина, и мне оставалось лишь пойти к врачу, что бы подтвердить свою гипотезу. Она меня чем-то одарила, и это отнюдь не простуда. Я не понимал, зачем её оскорбляю, я не понимал, зачем злюсь, но гнев сейчас бил через край моего сознания и полностью завладевал телом. Не сдержав подкатившего приступа ярости, я с криком откинул столик в сторону, заставив пепельницу с рюмкой упасть на пол, и разбиться на сотни осколков. Почему Инна со мной так обошлась, я не понял тоже, и это задело меня, заставив беспомощно сесть на кровать. Я вцепился в голову руками, и гадал, что произошло с ней. Что-то заставило её стать паршивой проституткой, которая

разносит смертельную заразу, и губит человеческие жизни. В голове это не укладывалось.

Тряхнув головой, я понял, что теряться нельзя. У меня оставалось мало времени, и если я хотел увидеть больше рассветов, чем пять, то нужно было действовать. Живешь, живешь, видишь рассветы и закаты, видишь окружающий мир, дышишь чистым воздухом, и… не замечаешь этого. Но какой высочайшей становится ценность этих мелочей, к которым привыкаешь как к стоящей в коридоре тумбочке, когда жить остается пару дней? Мне захотелось часто смотреть на закаты, понимая, что ушел один день, и, понимая, что я провел его с пользой. Я захотел видеть рассветы, и понимать, что Вселенная дала мне ещё один шанс сделать свою жизнь и жизни других лучше. Я хотел выбежать на улицу, и просто дышать, просто смотреть и любоваться тем, что меня окружает все эти оставшиеся несколько дней, но и этого я себе позволить не мог. Сдаваться я не собирался.

Одевшись, я вышел, и по белоснежному коридору прошел к стойке администратора, надеясь, что помимо ЗППП дама не наградила меня долгами за номер. За стойкой сидел чернокожий администратор, которого вчера в смене не было, и как только мы встретились с ним взглядами, между нами почему-то сразу возникло напряжение. Он застыл на миг, и когда его взгляд прояснился, он спросил:

— Здравствуйте, — улыбнулся он натянуто. — Какой номер?

— Семидесятый, — пояснил я. — Он оплачен?

Мужчина стал смотреть в монитор, свет которого отражался на его бритой голове, и затем стал водить пальцами по экрану. Он провозился минуту, и мне показалось, что это крайне долго для поиска чека.

— Оплачено, — произнес он добродушно, потянув руку вниз, под стол.

Почесаться решил, что ли? Я направился к выходу, и теплые солнечные лучи, сочащиеся через стеклянную дверь, поползли мне на встречу. Вдруг я услышал щелчок помпы дробовика за своей спиной, и этот звук будто вбил в меня гигантский гвоздь, который лишил меня возможности двигаться. Как он достал дробовик так бесшумно?

— Не двигайся, мужик, — произнес он дрожащим голосом. — Или останешься без жопы.

Злость будто сдуло ветром, и её сменил страх. Мое сердце бешено колотилось, и я решил, что лучше действительно замереть. Движение, конечно, жизнь, но только не в этом случае.

Я осторожно обернулся, и увидел, что лоб парня покрылся

испариной. Стрелять по мне он явно не хотел, но я был уверен, что он выстрелит, если возникнет необходимость. Покрывшись холодным потом, я произнес:

— Парень, не горячись, ладно? — Пытался я расположить его к себе. — Что сл…

— Заткнись, преступник, — скомандовал он, и мотнул дробовиком в сторону двери, которая была недалеко от стойки. — В уши ссать копам будешь, а со мной не договоришься.

Я послушно кивнул, не став ничего возражать, и молча прошел к месту, на которое он указал. Он загнал меня в небольшую подсобку, и не снимая с прицела, закрыл дверь ногой. Электронный замок с писком защелкнулся.

Теперь я был больше шокирован, чем напуган. Ну ладно Инна, её я готов убить после содеянного, но ему то, или этому отелю, чем успел насолить? Счета оплачены, номер в порядке, ну почти, и никто не пострадал. Мое дыхание учащалось, а сердце билось всё сильнее, ведь я даже не знал, что со мной хочет сделать этот негр. Вдруг он какой-нибудь психопат или маньяк, который сморит меня голодной смертью? Обернувшись, я обнаружил небольшую табуретку, и сел на неё. Надо звонить Стасу, кроме него меня сейчас никто не вытащит, или может обратиться в полицию? «Заткнись, преступник» — Вспомнил я слова негра. Ох не с проста он так сказал, не с проста.

Я открыл окно поисковика, и оно ярко вспыхнуло передо мной, вывалив целую кучу новостей. Я стал бегать глазами по строчкам, в которых коротко описывались самые важные новости, там мог быть ответ.

«Массовый разгул проституции в Тенуре. Невинный человек был клонирован, и обвинен в распространении массового смертельного заболевания».

Я включил интервью. Там была Инна, которая оправдывалась, вытирая размытую слезами тушь.

— Я правда ни в чем не виновата, — говорила она, всхлипывая. — Я не знаю, кто и зачем, он просто животное! Он клонировал меня без моего разрешения!

Так это была не Инна?

Чем дальше я углублялся в последние новости, тем страшнее мне становилось, потому что за эту ночь мир перевернулся. «Мир охвачен смертоносной эпидемией, передающейся половым путем». Включил очередное интервью с экспертом, который воодушевленно говорил повышенным тоном:

— В мире, где главной терминальной ценностью является удовольствие, не удивительно, что у людей ежедневно происходит множество половых контактов!

Нахмурившись, я почему-то вспомнил мрачный мультфильм «Бэтмэн будущего», который видел в детстве. Уж очень события в Тенуре отдавали темной атмосферой произведения, которое казалось мне ближе всего к реальности в данный момент. Я переключился на следующую новость и, увидев её, расширил глаза от удивления. Все владельцы реверсивного бита были признаны врагами народа, и приговорены к смертной казни. На втором месте после Повелителя Женщин в списке было имя «Отарэ Шичика». Я задрожал, не понимая, с чего вдруг правительство засунуло меня в этот список. Наверное, они ошиблись, и надо было просто всё прояснить. Приступ страха прошел.

Вдруг неожиданно раздался звонок. Номер был неизвестен, наверное, Стас звонил, не желая светиться перед полицией. Взяв трубку, я радостно заговорил, стараясь сильно не повышать голос, что бы не услышал мой надзиратель.

— Стас! Дружище! Я так рад что ты позвонил!

— Теперь ты готов слушать? — Раздался злобный голос из фильма «Пила».

Это был Повелитель Женщин. Как только я услышал его, то тут же закипел от ярости и гнева, вспомнив всё то, что он вытворил с моей жизнью. Я вспомнил, как он поместил бит в Хостаун от моего имени, заставив людей умирать там по-настоящему. Я вспомнил отряд, который ценой жизни, пережив ужасающую смерть, доставил меня к цели. Я вспомнил, как он переломил хребет моей компании, и отправил на свалку, в задворки рынка. Из-за него правительство объявило на меня охоту, а я ведь лишь извлек бит из своей игры и спас человеческие жизни.

— Сука! Ты ещё смеешь мне звонить?! Мразь! Я найду тебя, ты понял! Я вырву тебе позвоночник, и выпущу тебе кишки им же! Ты меня понял, паскуда?! — Прокричал я, брызгая слюной, и почувствовал, как лицо наполняется кровью. В висках стучало, и с психу я хотел ударить рукой в дверь, но сдержался.

— Ты что там орешь?! — Возмутился негр глухим голосом, который с трудом просачивался через дверь. — Копы скоро приедут! Если не хочешь, что бы я сказал, что ты буйный — заткнись!

— Дробовик лежит на столе, — спокойно продолжил Повелитель Женщин. То, что он проигнорировал меня, разозлило ещё больше. — Я открою дверь. Приходи в гости, и я расскажу тебе, что от тебя хочу. Адрес пришлю сообщением, и он удалится через пять секунд. Надеюсь, память у тебя хорошая.

Электронный замок снова пискнул, щелкнув, и я замер,

шокированный. Мало того, что этот гад поломал мне всю жизнь, так теперь ещё решил лично поиздеваться. За дверью был дробовик, и мне захотелось засунуть его Повелителю Женщин в глотку, затем наполнив его внутренности картечью. Ради такого дела я даже пренебрегу репутацией добропорядочного гражданина, сбегу, найду эту тварь, и грохну. Потом, пусть правители делают со мной что хотят.

Снаружи уже завывали сирены. Я, находясь в исступлении, разогнался с самого конца подсобки, и плечом вышиб дверь, увидев расширенные от неожиданности глаза негра.

Он замер, растерявшись, но зато я прекрасно знал, что мне нужно. Мы оба бросились к дробовику, но негр сделал это немного позже, бросив бумагу. Разница в эти доли секунды решила исход боя с самого начала. Я схватился за дробовик, и когда негр стал останавливаться, по инерции всё ещё ко мне приближаясь, я коротко ударил его локтем в нос, заставив отскочить назад. Он схватился за лицо, болезненно рыча сквозь ладони, и я прервал его крик, добив его прикладом и выбив из сознания. Его лицо было залито кровью, текущей из носа, и мне стало его жалко. Он, конечно, выживет, но нос вправлять будет очень больно. «Прости, парень».

Сирена становилась всё ближе, а времени у меня было всё меньше, и я, сорвав с негра рубашку, и взяв пару листочков с ручкой, что бы записать адрес, быстро изучил взглядом план помещения. Был запасный выход, но на него я и не надеялся, потому, что он наверняка будет закрыт. Приняв решение выходить через окно, я замотал дробовик в рубашку негра, и запихал в карман бумагу с ручкой.

Быстро добежав до конца коридора, я услышал визг автомобильной шины позади. Скрывшись за углом, я кинулся к ближайшему окну, и открыл его, бросив вниз дробовик. Сердце билось очень быстро, и адреналин, бушевавший в крови, делал меня крайне проворным. Я мигом спустился, взяв дробовик, и побежал, что есть мочи, петляя внутренними дворами, которых в Тенуре было хоть отбавляй. Я бежал, бежал, и бежал, ощущая, как у меня начинают отниматься ноги. Казалось, что дворы бесконечные, и я вечно буду петлять в этом проклятом лабиринте. Скоро пришло сообщение, и я остановился, зная, что, скорее всего, это Повелитель Женщин. Так и оказалось. Там высветился адрес, но вместо того, что бы отвлекаться и нервозно записывать, я приложил все усилия, что бы запомнить. Ровно через пять секунд адрес пропал, и я быстро переписал его на бумагу, пока из памяти не исчезла картинка с изображением адреса. Вроде всё верно, но вдруг меня охватила паника, и мне захотелось открыть

окно с сообщениями, что бы ещё раз проверить правильность адреса. Позвонить ему, что ли? Не возьмет, как пить дать. Надо было идти туда, куда записал. Выбора в любом случае не было.

Скоро я связался со Стасом, и скоро он, каким-то образом скрывшись от властей, забрал меня из безлюдной части города, до которой я добежал за несколько часов.

Сев в машину, я почувствовал приятный запах салонной кожи, и захлопнул дверь. Я молча протянул Стасу адрес, и мы, без разговоров, поехали по указанным координатам. По пути мы заехали в отдел разработок, и нам удалось забрать бит до того, как тут всех арестовали и всё оцепили, что наверняка случилось. Этого я уже не знал. Бит томился у меня в кармане, приятно согревая кожу, но я даже не желал смотреть на него. В машине тихо играла музыка, и я, не спрашивая разрешения Стаса, провел пальцем по дисплею проигрывателя, выключив радио. Я не хотел говорить и что-то слушать, не сейчас. Сейчас я представлял, как ворвусь в дом к Повелителю Женщин, как набью его рожу свинцом, и прекращу бесчинства, которые он творит. Скоро должен был настать момент, которого я вожделел с самого начала этой истории, и я даже ерзал в сидении от нетерпения.

Мы ехали по безлюдным улицам, которые освещались тусклым солнечным светом, с трудом пробивавшимся сквозь громады туч. Взглянув на дисплей проигрывателя, я увидел, что сегодня суббота, и значит, народ поголовно ушел в виртуальную реальность. Потому снаружи почти никого нет, лишь изредка из-за углов выходили редкие прохожие, тут же скрываясь в какой-нибудь двери. На какой-то момент мне даже удалось провалиться в сон. Сон мне приснился странный.

Он был продолжением того, который я видел с Бритым и Стасом в военной форме. Мы выбрались из здания, пошли по улицам, но вскоре, нас выжали оттуда беспрерывным огнем. На стороне противника было численное преимущество. Мы шли, прячась за огромными остовами многоместных грузовиков, по которым зачем-то стреляли вертолеты. Совсем скоро прогулка кончилась, и мы оказались в окружении правительственных ребят в черной военной форме, в той самой, которую я видел на ребятах в засаде перед фабрикой. Бритого убили, а меня со Стасом вырубили, и потащили к грузовикам, которые уцелели. Когда Бритый погиб, из его кармана выкатился желтый теннисный шарик, я так и не понял, зачем он его носил. Интересно, почему именно эти бойцы мне приснились? Почему правительственные? Видимо, их я сейчас очень боялся, потому, они заняли все уровни моего подсознания.

Вдруг кто-то сильно толкнул меня в плечо, и я распахнул

веки, недовольно возвращаясь обратно в реальность. Когда взгляд прояснился, я увидел множество двухэтажных зданий, которые как-то неуютно теснились друг с другом.

— Приехали, — доложил Стас, хрустнув ручником. Не понимал, почему он ездит на устаревшем автомобиле, и не купит себе новый, современный. На то были какие-то уникальные причины.

Здания, которое, по идее, должно было находиться по адресу, не было вовсе. Выйдя из машины, я решил, что мог ошибиться, и записать неправильно, но это было не так. Как только я коснулся ногой бетонной крошки, которая осталась от здания, то снова услышал звук упавшей капли, погрузившись во тьму.

Я очнулся стоя на одном колене. Взгляд всё никак не мог проясниться, и меня мутило так, будто я только что выбрался из эпицентра сильнейшего урагана. Поднял голову, осмотрелся, и совсем не понял, что происходит. Увидел два мутных силуэта, один выше другого, и какое-то бешеное мельтешение вокруг в белой пустоте.

— Вставай, Отарэ, — сказал кто-то. — Ты, наверное, очень ждал этой встречи, и просто не вежливо сейчас быть в отключке.

— Истинно так. Бог не простит, — произнес другой голос.

Вслушавшись, я оторопел. Неужели меня охватил бред? Первый голос был моим, а второй принадлежал Патриарху Кириллу, которого я недавно видел в телестудии. Я, похоже, говорил сам с собой, и это меня напугало. Сердце ухнуло, а по спине будто скользнула чья-то морозная ладонь, погрузив меня в озноб. Я либо сдох, либо меня обкололи, и бросили в какую-то виртуалку.

— Это не бред, и не виртуалка, — словно угадывая мои мысли опять ответил мой голос. Вот теперь мои глаза расширились от удивления. — Продри глаза.

Послушавшись, я принялся протирать глаза кулаками, зажмурившись. Как только я поднял веки, то картина передо мной была просто невероятная и в миг захватившая мой дух.

На фоне белой пустоты разворачивался весь Тенур, который было видно полностью, и проблема была в том, что он оказался перевернутым. Я даже не представлял, как можно в реальности перевернуть целый город, потому, скорее всего, говоривший мне врал. Я наверняка был в виртуалке. Иначе, чем это объяснить? Это же невозможно. Кругом летали фотографии людей, которые затем резко рванули вниз, создавая под нами медленно вращающееся блюдце. Тенур вдруг затянуло красным полотном, которое расчертили белые полосы света. Вглядевшись в обладателя голоса, я с удивлением заметил, что говоривший

выглядит в точности как я, рядом с ним стоял ещё один я, а замыкал тройку Патриарх Киролл, только воочию. Все трое были одеты в черные пальто, лишь Патриарх выделялся висящим на груди крестом, довольно большим. «Какого хера?! — Я стал злиться. — Как далеко, однако, шагнула хирургия!».

— Сука! Это ты?! Повелитель Женщин?!

— Не ругайся! — Вдруг возмутился Патриарх, и, схватившись за крест, стал что-то бормотать. Я вдруг почувствовал, как язык перекрывает мне горло, противоестественно изогнувшись и удлинившись. Меня тут же схватил спазм страха. Я лишился возможности говорить, дышать ртом, кричать, и, между прочим, последнее сделать очень хотелось. Мне оставалось только неразборчиво мычать, нахмурить брови, и рвануться к пленившим меня людям, что есть сил. Терять всё равно нечего, но шею кому-то сломать всё равно успею, душу по дороже продам!

Но и этот план провалился. Один из моих клонов выхватил из-под пальто дробовик, замотанный в рубашку негра, и выстрелил, даже не целясь. Картечь, вонзившись мне в ногу, разорвала её на куски, оставив лишь окровавленную культю. Я испуганно мычал, с ужасом смотря на нанесенное увечье, но отметил для себя, что боли совсем не почувствовал, и кричу скорее из-за вида. Из пола, разрывая покрытие, резко выскочили красные стеклянные колья, пронзившие меня, и не давшие упасть. Я стал похожим на раздавленного автомобилем ежа с красными иголками, и дрыгался, стараясь вырваться из плена. Больно совсем не было, но я с ужасом наблюдал за тем, что со мной происходит. Сердце постоянно пропускало удары, уцелевшее колено проняла дрожь, да и сам я задрожал как при сорокаградусном морозе. В груди кипело, и я, со злостью и ужасом одновременно, смотрел в равнодушные глаза плениших меня людей.

В виртуальной реальности только при определенных настройках можно заставить испытывать реальные чувства, и то они будут очень слабыми. А здесь… здесь было что-то не то. Страх я испытывал ощутимый, настоящий, точно так же как злость, и ознобы. По-настоящему чувствовал биение своего сердца и дрожь в теле, удивляясь, почему мне не больно. Видимо, болевой шок, и стоит ему пройти, я тут же умру.

— Не умрешь, — сказал мой клон, стоявший в центре. — Я не только Повелитель Женщин, но и жизни. Эти меры я предпринял, чтобы ты не дергался, и внимательно меня выслушал.

Новость, что я не умру, на самом деле, немного меня обрадовала. Я надеялся, что Повелитель Женщин этого не заметил. Я хотел послать эту мразь, хотел убить его, но сейчас всё

было против моих желаний, и мне оставалось только выслушать.

— Потом патриарх освободит твою речь, и даст возможность высказаться, — Повелитель Женщин пытался меня успокоить. — Ты задашь все вопросы.

Я лишь нахмурил брови, нисколько не обратив внимания на «добрый» жест, по-прежнему сгорая от ненависти.

— Что ты знаешь про свою жизнь, Отарэ? — Спросил Повелитель Женщин, изогнув бровь и растянув губы в улыбке. — И есть ли у тебя Реверсивный бит? Уверен, что есть. Ты, наверное, в полной мере успел прочувствовать его влияние на свою память. Ты ведь увидел что-то незнакомое, правда?

Пусть в его словах прослеживалась логика, я чувствовал, что нельзя верить не единому его слову. Наверняка он сделал бит так, что бы вывернуть всем мозги на изнанку, и захватить умы.

— Как ты отнесешься к тому, если узнаешь, что вся твоя жизнь обман? Ты будешь способен поверить в то, что бит показывает твои настоящие воспоминания?

Какие воспоминания? Я злился, обдумывая чушь, которую он несет. Мне прекрасно известно мое прошлое, а некоторые воспоминания, в том числе и детские, вполне свойственно забывать всем людям.

— Тебе лишь известны твои искаженные детские воспоминания, кое-что со школьной скамьи, причем у всех эти воспоминания, как на подбор, Отарэ. Бьюсь об заклад, ты видел войну, когда коснулся бита, да? Видел смерть человека с бритой головой и теннисный шарик, выпавший из его кармана после гибели, видел Стаса, как боевого товарища.

И? Взглядом вопрошал я. Всё это ложь, я был уверен, что это ложь, спроецированная битом в мозг, что бы настроить меня против правительства. Стоит им всё объяснить, как они тут же удалят меня из списка подозреваемых.

— Так вот, Отарэ, война и есть твоя настоящая жизнь. Воспоминания до войны уже настолько старые, что ты просто не в состоянии их вспомнить. Твой мозг наполнен поддельной жизнью. Человек с бритой головой это я, и, кстати, теннисный шарик стал прототипом бита. Он милый, не так ли?

О чём ты, тварь? Я очень захотел ударить его, что бы он прекратил нести свою околесицу. Он ведь не способен доказать то, о чём говорит, а значит, всё это чушь.

— Вся твоя жизнь виртуалка, в которую тебя силой погрузили. Помнишь грузовики, которые расстреливали вертолеты, прежде чем мы вышли из здания? Так вот, в них собирались везти тех, кто согласился уйти в Тенур добровольно. Мы же были против проекта Тенур, потому спровоцировали войну

с правительством, желая прекратить погружение людей в виртуальную реальность. Наших либо убивали, либо оставляли в живых, силой запихивая в Тенур. Зачем это? — Задал он риторический вопрос, подойдя ко мне поближе. — Так людьми легче управлять. Люди стали проявлять склонность к погружению в цифровые миры ещё с начала эпохи смартфонов. Людям в руки давали девайсы, которые могли работать как маленькие суперкомпьютеры, а вместо того, что бы использовать этот потенциал себе на пользу, человек начал тупеть, используя смартфон лишь для убийства времени и отстранения от реальности. Но так было задумано. До правителей дошло, что тягу к отстранению от реальности можно форсировать через электронные девайсы, и использовать в своих интересах. Ты наверное, решишь, что смартфоны и электроника это плохо, но это не так. Плох их переизбыток в человека, и их корявое использование. Это стало прекрасной почвой для проекта Тенур. Смартфоны были психологической подготовкой к виртуальному порабощению. Людям предложили, за символическую плату, разумеется, испытать на себе новые виртуальные камеры. Прекрасно себя проявила финансовая зависимость, и большая часть населения с охотой в них полезла, так никогда оттуда не выбравшись. Когда начались возмущения по этому поводу, правители говорили, что всё нормально, и народ якобы согласился остаться добровольно. Но это было не так. Потом началась проблема с воспоминаниями, ведь они заставляли людей в Тенуре бунтовать, и не быть послушными овцами. Проблему решили виртуозно. Тех, кто воспоминания имел — убили в камерах, а со следующим поколением виртуальщиков поступили иначе. При погружении в виртуальную камеру правители, в связи с невозможностью удалить воспоминания, поместили их в отдельный архив в виде Солнце Тенура, которое я вскрыл, раскидав воспоминания всех по этим прекрасным шарикам, — Повелитель Женщин достал из кармана светящийся Реверсивный бит. — Это твои воспоминания. Ты уже коснулся бита, — подойдя, он засунул его мне в карман, — потому, со временем, память полностью восстановиться. Кстати, потому бит и светиться. Это части Солнца Тенура, копию которого я поместил в небе, стащив оригинал.

Он стоял передо мной, с улыбкой на лице, и нагло мне лгал. Я не верил не единому его слову, но всё же, в них чувствовалась железная логика, цепочку которой мне совершенно нечем разбить. Вдруг его лицо окаменело.

— Ну подумай, Отарэ, — он взглянул на меня снизу вверх. — Как выстрел из дробовика мог отнять тебе ногу, да ещё и на такой

дистанции? Как ты сейчас жив вообще, не чувствуя боли? Как ты мог организовать такой колоссальный проект, как Хостаун? Только виртуальная камера могла дать такую возможность. Тебе не показалось странным, что люди входили в онлайн, лишь проходя через желтое поле, без каких либо приспособлений? Как количество данных, о происхождении которых ты даже не знал, может влиять на твою жизнь и здоровье? Никакие это не твои технологии, Отарэ! Твой мир и есть — технология! У Хостауна была хорошая защита, которую я обошел быстрее правительства, использовав как первое хранилище для бита. Биты объединены в сеть, и какой бы бит человек не взял, сеть сама найдет и даст ему нужные воспоминания, которые ему принадлежали, обнаружив их по ай-ди, который получал каждый виртуальщик перед погружением. Ещё, бит защищает носителя от управляемой виртуальной реальности правительства. Носители бита под моей защитой, и их окружение тоже. Потому они до сих пор живы, уже готовы к выходу. Правителям пришлось устраивать пропаганду, объявив носителей бита вне закона, что бы население само искало и уничтожало их.

Я вдруг вспомнил, что мне говорил Стас после выхода из Хостауна о том, что Бит объявлен наркотиком, и что он убивает людей. Выходит, правительство лишь маскировало этим собственные преступления, убирая ненужный мусор руками собственных граждан? Потом я вспомнил список, в который попал, и понял, что в нём теперь значительная часть населения Тенура. Нет, я не верил, это не могло быть правдой.

— Когда в ход пошла первая партия шариков, — продолжил Повелитель Женщин. — Хостаун уже был не нужен, люди сами распространили бит через социальные сети, получив подлинные воспоминания и захотев свободы. Это не я сделал так, что бы люди в Хостауне умирали, это правители инициировали запуск программы в камерах, которая убивает своего пользователя, что бы свалить убийства на меня! Противостоять мне прямо они не могли, из-за бита, и отключить тоже! — Повелитель Женщин начинал терять самообладание, переходя на крик, а я начинал понимать, что мне страшно. Нет, не из-за его крика, а из-за того, что его слова всё больше были похожи на правду. — Помнишь сигарету и рюмку? Это комбинация, которая в работе с определенным напитком, и маркой сигарет способна активировать программу, делающую пользователя смертным в виртуальной реальности. Не даром в прошлом табачников и алкогольных производителей в прошлом называли «продавцы смерти»! Я использовал тот же код, но с другими элементами, когда послал к тебе Инну. Именно он сейчас позволяет тебе

испытывать полноту эмоциональных ощущений. Но Инна была нужна не только для этого. Я клонировал её, сделав носителем вируса, который при совместном использовании с битом способен выдернуть тебя из камеры живым! Иначе, отключение — смерть! Люди обо всём знали, но им приходилось прятаться, чтобы не умереть! Снаружи их поддерживают надзиратели, которые уже скоро будут в нашем комплексе, и убьют нас в реальности. Так что, у нас мало времени, Отарэ.

Всё это ложь. У меня внутри похолодело, и речь Повелителя Женщин словно ураган выдергивала из меня старые убеждения, оставляя вместо них пустоту. Этого не может быть, нас не могли обманывать, нас не могли доить.

— Ты думаешь, что они это ради денег? Думаешь, я вру? Идиот! У них же есть монетный двор! Нет, друг, это ради власти! Если в настоящей жизни человек мог хоть как-то контролировать свою реальность, то в Тенуре вся реальность монополизирована правительством! Привыкшие к чудесам цифрового мира в играх и смартфонах, люди разучились отличать реальное от вымышленного, и их стало легко запутать. Мозг у людей почти перестал работать, ведь они переложили большую часть функций на устройства, перестав использовать ум! Народ превратился в потребляющее стадо! Они даже не замечали фантастических вещей, которые их окружают. Телепортация, Отарэ! Какая на хрен телепортация?! В наше время, конкретно в этом веку, люди научились лишь телепортировать мельчайшие частицы! Какая речь может идти о человеке?! Подумай! Я могу отпустить тебя, ты используешь бит, и ты сам всё увидишь. Ты, наверное, помнишь Уйля? Он единственный человек, который может покидать камеру живым, и он помогал мне получать доступ к системам снаружи. Он правительственный надсмотрщик, который тайно встречался со мной в Тенуре, и помогал мне организовать этот переворот, который ты сейчас видишь в мире. Таких камер миллиарды по всему миру а проектов тысячи, Тенур только начало! Отарэ, ты прирожденный организатор, и мне нужна твоя помощь. Уверен, что у тебя назрели вопросы… — он махнул ладонью, и Киролл снова принялся что-то нашептывать. Я с облегчением почувствовал, как язык возвращается на место. Я сразу же закричал:

— Лжешь! Мразь! Сколько людей из-за тебя погибло, ты считал?! Ты просто хочешь подмять Тенур под себя и забрать власть! Тебе нужны деньги и влияние! Не надо мне тут горбатого лечить!

— Я же тебе объяснил, почему люди умирают, — расстроено сказал Повелитель Женщин. — Что же… раз ты не хочешь делать

это по доброй воле, я тебя заставлю.

Чёрта с два! Я подумал, что лучше подохну, чем пойду у него на поводу. Колья вдруг скрылись в полу, но я не успел упасть, Повелитель Женщин схватил меня за горло, перекрыв дыхание, и подняв над полом словно тряпичного. Я услышал, как у меня хрустнул кадык, и перед глазами полыхнула вспышка.

— Киролл, приступай, — скомандовал Повелитель Женщин, и швырнул меня с такой силой, что я перелетел всю платформу, но не упал с неё, чудом успев зацепиться за край.

Они втроем подошли, остановившись в нескольких сантиметрах от моих пальцев. Я думал, что прожил хорошую, достойную жизнь, но видимо, это было не так, если кому-то захотелось меня прикончить. Это было таким идиотизмом! Кто бы стал убивать человека, ради того, что бы доказать какую-то немыслимую теорию? Он просто хотел убрать свидетеля, который был с ним не согласен. Завербовать не смог, вот и решил завалить.

Посмотрев вниз, я ощутил, как у меня защемило в груди. Фотографии стали летать с бешеной скоростью, вращаясь вокруг платформы словно лезвия. Вдруг мне вспомнилось, что мама часто делала фарш, и когда я смотрел на мясо, сочащееся из решетки, то боялся, что кто-нибудь схватит мою руку, и сунет её в жерло мясорубки. Откуда это воспоминание? Раньше я никогда не вспоминал мать. Фотографии — мясорубка, и я — ладонь. «Ирония? Нет, — подумал я, — следствие моей рассудительности и чьего-то безумия». Повелитель Женщин подошёл, и стал наступать на пальцы один за другим. Они растворялись, превращаясь в желтые потоки информации, и хватка слабла. Я думал, что клон будет улыбаться там, или хохотать, но нет. Его лицо было совершенно безразличным. Вот с такой лёгкостью один человек мог лишить другого жизни. Патриарх Киролл стоял, шевеля губами. Пальцы кончились, как и кончилось моё время. Я сорвался, став падать.

Я мчался, рассекая воздух, и мчался к концу. Вдруг меня охватила настоящая паника, и чувство свободного полета заставило меня испытать такой испуг, которого у меня ещё не было никогда. Да гори оно всё синим пламенем! Я просто хочу жить! Хотя бы дожить эти несколько дней, которые были мне оставлены среди руин моей же жизни. Погрузив руку в карман, я нащупал Реверсивный бит, и затем достал его. Бит раскрылся, и покрылся множеством многоугольников, которые, стоя на нём ребрами, начали вращаться. Перед глазами потемнело. Мне показалось, что вот уже всё, мой полёт кончился, и бит сработать не успел. Но меня мучил вопрос, как я что-то мог ощущать, если

был мёртв?

Я оказался над Тенуром, зависнув в воздухе. Далеко впереди парили сферы и кубы, в которые были заключены пустыни, океаны, острова, и космические корабли. Какие-же они были красивые! И причём, у каждого человека в кубе свой, уникальный вид. Заметил я это только теперь, когда собирался навек закрыть глаза.

Все кубы объединяла одна небольшая деталь. В центре каждого ярко сиял желтый огонёк, чем-то напоминавший маленькое солнце. Осмотревшись, я заметил, что такой был и рядом со мной. От него исходило тепло, и словно окутывало меня с головы до ног, расслабляя. Хорошие ощущения. Я ожидал другого.

В следующий миг мой, и другие огоньки выстроились в ряд. Я потянулся следом за своим, и заметил, что из других кубов тоже поднимаются люди. Подлетев к своему огоньку, я стал пристально на него смотреть. Он стал быстро увеличиваться в размерах, и я хотел рефлекторно прикрыть голову руками, что бы от него закрыться, но рук не у меня не оказалось. Поглощаемый светом, я попытался зажмуриться, но не вышло. Век не было, конечностей не было, наверное, и тела не было. Но если у меня ничего не было из органов восприятия, каким образом я тогда видел? Впереди я заметил Реверсивный бит. Мы находились в красном тоннеле, и его стены были покрыты желтыми полосками.

Мы шевельнулись, словно собиравшийся отходить железнодорожный состав, с характерным скрипом. Медленно набирая скорость, я тянулся за битами, и наше движение было идеально синхронным. Разгон вскоре из медленного перешёл в быстрый. Красные стены смешались с желтыми полосками, и тоннель стал оранжевым. Потом он растворился, и я оказался в белой трубе, с мелькающими перед взглядом разноцветными точками, что напоминали вид мигалки, на которую смотришь сквозь залитое дождём окно. «Что за место?» — Удивился я.

Световое шоу закончилось, и остались только мигающие точки на черном фоне. Я почувствовал, что мои легкие заполнены водой. Страх словно парализовал все конечности, которые я теперь очень хорошо ощущал. Было холодно, и озноб брал такой дикий, что думалось, лучше бы я умер. «Хотя нет, — напрягая руку, а затем ногу, я пытался шевелиться, — Это не паралич. Меня что-то сковывает!». Я думал, что это конец. Было очевидным, что я находился в каком-то чёрном ящике, закрытом напрочь, с полными воды легкими. Меня словно заколотили в гробу и скинули в море живьем, но прежде — утопили, на всякий случай. Кожей я касался холодного металла саркофага, который

меня сковывал. Чувство страха теперь переросло в панику, и я был абсолютно беспомощен. «Что дальше?! Я что, в космосе?!»

— Инициирована процедура пробуждения. — Услышал я приглушенный голос. — Просьба персоналу: собрался в Блоке Джи Двенадцать и иметь при себе всё необходимое оборудование, внесённое в список протокола разморозки.

Какой ещё персонал? Какой протокол разморозки? О чём она вообще говорила, и где я, чёрт побери, оказался?! Только сейчас я почувствовал, что губами обхватываю пластиковую трубку. В ноздрях будто сидели скользкие пластилиновые черви, и они стали выкачивать из моих легких воду. Скоро, совсем скоро… вдо-о-о-х, вы-д-о-о-ох. «Боже! Кислород!». Я стал дышать, как не нормальный, и это было так приятно, будто бы я впервые узнал, каков настоящий воздух. От головы отпало что-то увесистое. Интересно, что это было? Думать мне времени не дали. Темноту передо мной рассекла полоса света, и холод постепенно сменился теплом. Раскрылись крышки ящика, в котором я лежал — очень тускло светили комнатные лампы.

Всё тело вдруг стало будто раскалываться. Болели кости, мышцы, голова, глаза, да всё, что можно было назвать во мне живым — изнывало. Какой-то механизм уперся мне в спину, и стал постепенно поднимать. Вскоре я сел, и увидел перед собой пыльную металлическую дверь с цифрой Двенадцать. Кажется, голос говорил блок Двенадцать Джи. С трудом повернув голову, я увидел ещё несколько таких же механизмов, как и мой. Они раскрывались, и что-то похожее на амортизатор так же поднимало людей. Мои соседи были все, как один. Хилые до жути и бритые на голо. Это вызвало у меня отвращение. Мне было страшно подумать, что я выгляжу так же. Сначала я решил, что они мертвы, но затем, увидев, как кто-то из них шевельнул головой, промычав пару невнятных слов, убедился в обратном. С людей стекала вода, которая играла какую-то пока ещё непонятную мне роль. Мне почудилось, будто кто-то произнес слово «Свобода».

Вскоре я смог двигаться, как и остальные. Собравшись с силами, я покинул саркофаг, и направился к двери. «Не может этого быть! Чушь! Не верю!»

Тут я чувствовал себя как в клетке, и мне хотелось выбраться из этого помещения как можно скорее. Я не понимал, какой там персонал должен был с минуты на минуту появиться, и кого мне предстоит увидеть. Да и мне было всё равно. Я хотел выйти. Хотел немедленно узнать, где нахожусь. «Они хотят сказать, что вся моя жизнь, всё то, чего я достиг, что я приобрёл — чушь?! Чья-то больная фантазия?! Они чушь! Они больная фантазия!»

Когда я доковылял до двери, она, проскрипев, открылась. Тело сразу обхватил холод, и я услышал завывания ветра. Ветер дул из окна, которое было сразу напротив двери, и я, вцепившись в железный подоконник, выглянул наружу. Передо мной был Хостаун, в котором свои ледяные порядки установила зима, и теперь он был настоящим.

— Стой! — Крикнул кто-то, до боли знакомым голосом. Я, напуганный и запутанный, медленно обернулся. На меня мчался Уйль, и добежав, он вцепился в меня руками, затаскивая обратно. — Замерзнешь же, дурень!

Я выскользнул у него из рук, и, осмотревшись, нашел другую дверь. Почувствовав, что там спасение, я рванул в её сторону, но тут же оступился, с грохотом повалившись на железный пол.

— Не делайте резких движений! Дайте телу понять, что оно теперь нужно, и что вы живы!

Я не мог поверить. Неужели Повелитель Женщин говорил правду? Железный пол был по настоящему холодным, в окно бил настоящий ледяной ветер, и, упав, я испытал настоящую боль.

Смирившись, я решил поддаться течению, и узнать, что будет дальше. Уйль помогал всем встать на ноги, принес много теплой одежды, и одевал нас. Тут были люди разных возрастов, но по состоянию они напоминали беспомощных стариков, в том числе и я. Это было тяжело.

Уйль спустил нас вниз. В просторном ангаре стояла длинная колонна больших грузовиков, в которых нас разместили.

Я поехал в кабине с Уйлем, и вскоре мы покинули здание. Это оказалась фабрика, где я нашел в Хостауне Реверсивый бит.

Не могу поверить.

— Уйль, — спросил я, не отрывая завороженного взгляда от покрытой снегом дороги. — А как ты выживал с таким количеством долгов?

— Я же надсмотрщик, — усмехнулся Уйль. — Нам не надо работать. Мы можем брать в вирте всё, что захотим.

— А куда мы едем? И где ПЖ?

— Жить, — Уйль улыбнулся. — Там, в кузове.

Этот ответ меня вполне удовлетворил, и даже воодушевил немного. Я понял, что мне отведено не четыре дня, как в Тенуре, и теперь могу прожить полноценную жизнь. Тут был мороз, леденящий и пронизывающий. Тут был снег, хрустящий и холодный. Тут было солнце, яркое и ослепляющее. Тут была настоящая жизнь, которую я полюбил с новой силой, и которую теперь ни на что не променяю.

Я взглянул в боковое зеркало на теряющий объемы силуэт Хостауна, и вздохнул с облегчением, поняв для себя кое-что.

Действительность — всё, что у нас есть, и настоящее мужество — любить её со всеми изъянами, не пытаясь от неё прятаться. Важно не оставить свой разум в недрах виртуального мира, и не потерять свой путь.